

№ 6.
1952

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

*Алф. указ - стр 34 сл.
И-7. указ - стр 42, 43*

6

---

1 9 5 2

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1952

№ 6

Июнь

РУКОВОДЯЩЕЕ УКАЗАНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ПРИМЕНЕНИЮ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 4 ИЮНЯ 1947 Г.
„ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА“

Постановление Пленума от 6 мая 1952 г. № 4

Пленум Верховного суда СССР, рассмотрев вопросы судебной практики по применению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», отмечает, что суды, в основном правильно применяя Указ, значительно усилили борьбу за охрану социалистической собственности.

Вместе с тем Пленум устанавливает, что в судебной практике по применению Указа имеют еще место серьезные недостатки и ошибки, свидетельствующие о недооценке некоторыми судами общественной опасности хищений социалистической собственности. Иногда по делам о хищениях социалистической собственности допускается необоснованное применение мягких мер наказания, необоснованное оправдание, не учитываются квалифицирующие признаки, не применяется конфискация

имущества в тех случаях, когда она по закону является обязательной.

В некоторых случаях суды действия должностного лица, выразившиеся в присвоении государственного или общественного имущества путем злоупотребления своим служебным положением, неправильно квалифицируют по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик, а не по Указу от 4 июня 1947 г., что приводит к неправильной оценке совершенного преступления и необоснованному смягчению ответственности расхитителей социалистической собственности.

Суды иногда неправильно квалифицируют как злоупотребление служебным положением действия должностных лиц, которые из корыстных соображений или по другим личным мотивам незаконно передают вверенное им государственное или общественное имущество другим лицам для использования в личных целях.

Неправильно также квалифицируется иногда как злоупотребление служебным положением хищение государственных и общественных средств под видом так называемого «временного позаймствования», которым часто лишь прикрывается действительный умысел виновного, направленный на хищение.

В ряде случаев суды неправильно квалифицируют как недоносительство действия лиц, фактически виновных в соучастии в хищении, в частности действия лиц, виновных в сбыте заведомо похищенного имущества или в содействии его сокрытию.

Нередко суды расширительно применяют ст. ст. 2 и 4 Указа от 4 июня 1947 г., квалифицируя как хищение, совершенное организованной группой (шайкой), всякое совместное хищение двумя или более лицами, хотя совместное участие в хищении носило случайный характер. Такое понимание организованной группы (шайки) приводит на практике к необоснованному осуждению по ст. ст. 2 и 4 Указа.

Практика также показывает, что у судов нет единства и достаточной четкости и по ряду других вопросов, связанных с применением Указа от 4 июня 1947 г.

Так, суды по-разному разрешают вопрос о применении ст. ст. 2 и 4 Указа по признаку повторности, о квалификации хищения социалистической собственности путем разбойного нападения и др.

Нет единства в квалификации продажи поддельных железнодорожных билетов и знаков почтовой оплаты: некоторые суды применяют Указ от 4 июня 1947 г., другие — ч. 3, ст. 59^а УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик.

По-разному квалифицируется самовольное сенокосение на землях, находящихся в пользовании государственных организаций или колхозов.

Нет также единства в квалификации преступных действий, связанных с незаконным получением пенсий, пособий, надбавок за выслугу лет

и т. д. путем представления фиктивных документов, а также действий, выразившихся в уклонении от уплаты налогов путем представления фиктивных документов.

Пленум также отмечает, что в ряде случаев по делам, связанным с недостачей у должностных лиц вверенного им государственного или общественного имущества, не исследуются как в процессе предварительного следствия, так и на суде причины, повлекшие недостачу, и не выясняется с должной полнотой, явилась ли недостача результатом хищения или она последовала по другим причинам. В результате расхитители иногда признаются виновными в халатности и не несут ответственности по Указу от 4 июня 1947 г. С другой стороны, это ведет в ряде случаев к осуждению за хищение при отсутствии присвоения.

Имеют место факты, когда при рассмотрении дел о хищениях социалистической собственности суды не разрешают вопроса о возмещении материального ущерба, причиненного хищениями, и не принимают мер, обеспечивающих предъявление заинтересованными учреждениями и предприятиями исков к подсудимым в тех случаях, когда до суда такие иски предъявлены не были.

Часто суды, рассматривая дела о хищениях, не реагируют на вскрытые факты небрежного, безответственного отношения соответствующих должностных лиц к охране социалистической собственности. Суды в этих случаях ограничиваются осуждением расхитителей и не только не ставят вопроса об ответственности должностных лиц, но даже не выносят частных определений в адрес соответствующих органов, что играет на руку расхитителям, создавая благоприятные условия для хищения.

В целях дальнейшего улучшения работы судов и установления единства в применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государствен-

ного и общественного имущества» Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующие указания:

1. Имея в виду, что защита социалистической собственности от всяких посягательств является одной из основных и важнейших задач советского суда, указать судам на необходимость неуклонного и последовательного применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» ко всем расхитителям социалистической собственности.

2. В соответствии с Указом от 4 июня 1947 г. всякое присвоение государственного или общественного имущества независимо от форм и способов его совершения должно рассматриваться как хищение.

В связи с этим и злоупотребление служебным положением, если оно выражается в присвоении государственного или общественного имущества или в незаконной передаче его другим лицам по мотивам корыстной или иной личной заинтересованности, должно квалифицироваться и караться по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Хищение государственного или общественного имущества при посредстве служебного подлога должно квалифицироваться по совокупности по Указу от 4 июня 1947 г. и ч. 1 ст. 120 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик.

3. Действия должностных лиц, виновных в выдаче по мотивам корыстной или иной личной заинтересованности государственных либо общественных средств под видом заработной платы лицам, фактически не выполнявшим никакой работы для данного учреждения или предприятия, подлежат квалификации по Указу от 4 июня 1947 г. Как хищение подлежат квалификации и действия лиц, заведомо незаконно

получивших в указанных случаях государственные или общественные средства под видом заработной платы.

4. Незаконное получение премий или надбавок к заработной плате путем обмана при помощи фиктивных документов, представленных с прямым умыслом на незаконное получение указанных средств, подлежит квалификации по совокупности как подделка документов и хищение государственного или общественного имущества.

Так же должно квалифицироваться и заведомо незаконное получение иных выплат от государственных или общественных организаций (пенсий, пособий и т. п.) путем представления для этой цели подложных документов.

5. Так называемое «временное позаймствование» должностным лицом государственных или общественных средств как представляющее по существу завуалированную растрату должно квалифицироваться по Указу от 4 июня 1947 г.

6. Хищение государственного или общественного имущества путем разбойного нападения на лиц, в ведении которых находится это имущество, или лиц, его охраняющих, должно рассматриваться как хищение, совершенное при отягчающих обстоятельствах, и квалифицироваться соответственно по ст. ст. 2 или 4 Указа.

Если при этом разбойное нападение, совершенное группой, было сопряжено с убийством, такие действия должны квалифицироваться по совокупности как бандитизм и хищение.

7. При разрешении вопроса о повторности хищения суды должны учитывать, что последующее хищение государственного или общественного имущества должно квалифицироваться как повторное независимо от того, предшествовало ли ему хищение государственного, общественного или личного имущества.

Равным образом и последующая кража личного имущества должна квалифицироваться как повторная независимо от того, предшествовала ли ей кража личного имущества или кража социалистической собственности.

При этом в тех случаях, когда за предшествующее неоднородное хищение не было вынесено приговора и суд рассматривает дело в отношении обоих хищений, последующее хищение квалифицируется как повторное, а наказание за оба преступления определяется по совокупности согласно ст. 49 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик.

8. Разъяснить, что не всякое хищение, совершенное совместно двумя или более лицами, может рассматриваться как хищение, совершенное организованной группой (шайкой), и что ст. 2 или 4 Указа от 4 июня 1947 г. по этому признаку должны применяться лишь в тех случаях, когда по обстоятельствам дела устанавливается, что хищение совершено по предварительному сговору организовавшей для этой цели группой лиц.

9. Должностные лица, ведающие по своей службе продажей знаков почтовой оплаты либо билетов железнодорожного или водного транспорта, виновные в продаже поддельных или уже использованных знаков или билетов, подлежат ответственности по Указу от 4 июня 1947 г.

Действия частных лиц, выразившиеся в систематической подделке для сбыта или систематическом сбыте поддельных или использованных билетов железнодорожного, водного транспорта, либо знаков почтовой оплаты, подлежат квалификации по ч. 3 ст. 59⁸ УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик. Эти же действия частных лиц, не носившие систематического характера, должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 169 УК РСФСР и соответствующим

статьям уголовных кодексов других союзных республик.

10. В частичное изменение постановления Пленума Верховного суда СССР от 22 августа 1947 г. указать судам, что в тех случаях, когда мошенничество, причинившее ущерб государственному или общественному учреждению (предприятию), не соединено с присвоением государственного или общественного имущества (например, предъявление фиктивных квитанций с целью освобождения от внесения налога, использование шофером вверенной ему автомашины в корыстных целях и пр.), такие действия подлежат квалификации по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик, которые для этих случаев мошенничества не должны считаться утратившими силу.

В связи с этим признать утратившим силу постановление Пленума Верховного суда СССР от 9 февраля 1951 г. «Об усилении ответственности шоферов за незаконное использование в корыстных целях вверенных им по службе автомашин».

11. Самовольное кошение сена частными лицами на землях, находящихся в пользовании государственных организаций или колхозов, должны квалифицироваться по ст. 90 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик.

Однако в тех случаях, когда этими действиями был причинен крупный ущерб или когда самовольное сенокосение было совершено с целью последующего сбыта, такие действия подлежат квалификации по Указу от 4 июня 1947 г.

12. Действия лиц, виновных в сбыте заведомо похищенного имущества или в содействии его сокрытию, должны квалифицироваться как соучастие в хищении, а не как недоносительство.

13. Обратить внимание судов, что по делам о недостатках вверенного должностным лицам государственного или общественного имущества

необходимо с особой тщательностью исследовать причины образовавшейся недостачи с тем, чтобы в тех случаях, когда недостача явилась результатом хищения, расхитители социалистической собственности были бы разоблачены и понесли должное наказание по Указу от 4 июня 1947 г., а не по статьям Уголовного кодекса о должностных преступлениях.

14. Указать судам, что по делам о хищении государственного или общественного имущества они при вынесении обвинительного приговора обязаны постановить о взыскании с виновного причиненного ущерба.

В тех случаях, когда до поступления дела в суд иск предъявлен не был, суд до рассмотрения дела обязан известить заинтересованные учреждения, предприятия и организа-

ции с тем, чтобы последние имели возможность своевременно предъявить соответствующий иск к подсудимым.

15. Обратит внимание судов, что при рассмотрении дел о хищениях социалистической собственности они на основе тщательного исследования обстоятельств дела должны выяснять причины, способствовавшие хищениям. В случае обнаружения фактов, свидетельствующих о том, что хищения имели место вследствие плохой постановки учета и охраны имущества, суды должны выносить частные определения о привлечении виновных к дисциплинарной или уголовной ответственности. Вместе с тем суды должны частными определениями доводить до сведения соответствующих органов о выявленных недостатках для их устранения.

СГЛБ

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ

1. ПРИГОВОР НЕОБОСНОВАННО ИЗМЕНЕН В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕДОСТАТОЧНО ПОЛНОГО АНАЛИЗА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА, ПОДТВЕРЖДАЮЩИХ ПРАВИЛЬНОСТЬ ПРИГОВОРА

*Дело Корсунского и Шпрингера. Постановление Пленума
от 11 января 1952 г.*

По приговору линейного суда Октябрьской ж. д., оставленному в силе определением окружного суда железнодорожного транспорта Северо-Западного округа, Корсунский и Шпрингер были осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Приговором по настоящему делу установлено, что Корсунский, работая начальником снабжения одного из московских заводов Министерства путей сообщения, а Шпрингер — исполняющим обязанности председателя Чащинской артели «Кожкустпром», по договоренности между собой в октябре 1947 года путем составления от имени артели фиктивного счета на перевозку жидкого стекла из Ленинграда до станции Новая Деревня Октябрьской ж. д. похитили 3000 руб., полученных Корсунским по этому счету из кассы московского завода.

Обстоятельства этого дела заключаются в следующем:

19 октября 1947 г. Корсунский был командирован из Москвы в Ленинград для отгрузки жидкого стекла в адрес завода. 29 октября 1947 г. стекло уже было отгружено

и принято железной дорогой к перевозке.

31 октября, в день выезда из Ленинграда в Москву, Корсунский, находясь в квартире своего родственника Шпрингера, продиктовал, а Шпрингер написал счет № 461 следующего содержания: «За перевозку жидкого стекла в бочках трехтонной машиной на расстояние 9 км до станции Новая Деревня в ночное время грузчиками артели в количестве 10 рейсов 3000 руб. получены по приходному ордеру № 224 от 31 октября 1947 г. от т. Корсунского».

Этот счет заверен печатью артели, а подписи от имени председателя и главного бухгалтера артели оказались подложными. Подписи одновременно исследовали несколько экспертов, которые по вопросу о том, исполнены они Шпрингером или Корсунским, высказали разные предположения, но определенного ответа не дали. Шпрингер, признавая, что текст счета писал он, показал, что оттиск печати на счет не ставил, наличие же его объясняет тем, что печать он хранил у себя дома, а Корсунский, ночуя у него, сумел ею скрытно воспользоваться.

После изготовления такого счета Корсунский вручил Шпрингеру

3000 руб., которые он через несколько дней передал бухгалтеру артели Макуриной, но предупредил, чтобы она деньги в кассу не сдавала.

Вернувшись в Москву, Корсунский отчитался этим счетом за якобы произведенные расходы по перевозке стекла, и таким путем было присвоено 3000 руб., так как артель никакой перевозки жидкого стекла не производила.

В какой мере и каким путем были распределены эти похищенные деньги, следствием не установлено.

Корсунский и Шпрингер виновными себя не признали, и каждый из них утверждал, что его действия были бескорыстны, что он проявил лишнюю доверчивость, чем воспользовался другой и деньги присвоил. Шпрингер показал, что полученные 3000 руб. он вернул Корсунскому, а последний это отрицает.

7 июня 1951 г. Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев это дело по протесту заместителя Председателя Верховного суда СССР, признала, что бескорыстными являлись действия Шпрингера, и по этим мотивам совершенное им преступление переквалифицировала на ч. 2 ст. 112 УК РСФСР и назначила наказание в один месяц исправительно-трудовых работ с удержанием 25% зарплаты, а действия Корсунского переквалифицировала на ст. 1 названного Указа и срок заключения в исправительно-трудовых лагерях снизила до семи лет.

Считая определение Коллегии неправильным, Генеральный прокурор СССР внес в Пленум Верховного суда СССР протест, который подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

В определении Коллегии указано, что обвинение Шпрингера основано только на показаниях Корсунского и что хищение денег Корсунский совершил «без участия других лиц». Такой вывод не вытекает из материалов дела.

1. Написав собственноручно у себя на квартире 31 октября 1947 г.

текст счета о перевозке жидкого стекла силами артели, Шпрингер не собирался перевозить это стекло. Зная, что Корсунский в этот день уезжает из Ленинграда, не взял от него даже доверенности на допуск к стеклу для его перевозки. Шпрингер фактически и не имел возможности осуществить перевозку жидкого стекла, которое перевозится в специальных цистернах. Кроме того, в счете Шпрингер написал о перевозке стекла трехтонной машиной, тогда как такой машины у артели никогда и не было.

Не делая никаких попыток перевезти стекло и не будучи в состоянии осуществить эту перевозку, Шпрингер все же получил от Корсунского 3000 руб.

2. Написанный Шпрингером и представленный Корсунским в бухгалтерию завода счет № 461 вызвал подозрения, и с целью проверки было послано в артель письмо с просьбой подтвердить правильность счета. На это письмо Шпрингер 10 ноября 1947 г. послал ответ следующего содержания:

«Нами за выполнение работы по перевозке жидкого стекла для Вашего завода получено от Корсунского 3000 руб. и оприходовано по приходному ордеру № 224, копию которого прилагаю».

К этому письму была приобщена и копия-квитанция приходного ордера, однако текст ее извращен.

Как указано выше, 3000 руб. в кассу артели не сдавались, но приходный ордер был написан с датой от 2 ноября 1947 г. и за тем номером 224, который Шпрингер указал в счете, написанном им у себя на квартире 31 октября. Ордер этот подписали Шпрингер и бухгалтер Макурина, и в нем было написано: «Принято через тов. Шпрингер от гр. Корсунского аванс на предоставление транспорта автомашины и рабсилы 3000 руб.».

В копии же квитанции, которую Шпрингер послал заводу, было указано: «Принято от Корсунского через Шпрингера за перевозку жидко-

го стекла на нашей автомашине для завода 3000 руб. — приняла кассир Новикова».

В действительности Новикова деньги не принимала и квитанции не подписывала. Таким образом, и после специального запроса, поступившего с московского завода, Шпрингер скрывал фиктивность написанного им счета и подтверждал перевозку стекла, тогда как ее не осуществлял. Между тем это подтверждение Шпрингера факта перевозки стекла завод принял как достоверное и произвел расчеты с Корсунским.

3. При первом рассмотрении дела в суде Шпрингер в свое оправдание представил датированное 6 декабря 1947 г. письмо московскому заводу от имени председателя артели.

В этом письме сказано, что по запросу завода артель подтверждает получение через Корсунского 3000 руб., что впоследствии Корсунский от использования машины отказался и деньги получил обратно. В связи с этим артель просит ранее высланное подтверждение о перевозке стекла считать аннулированным и возвратит документы обратно в артель.

Запроса, на который делается ссылка в этом письме, ни в делах артели, ни в делах завода не имеется. Председатель артели Серебренников и бухгалтер Макурина, подтверждая свои подписи на этом письме, вместе с тем не подтвердили правдивости текста. На допросах они показали, что хотя в письме и написано о возврате денег Корсунскому, но они об этом знают лишь со слов Шпрингера.

Письмо это поступившим на московский завод не значится, а исходя из обстоятельств дела, оно туда и не посылалось. Завод полученное подтверждение Шпрингера о состоявшейся перевозке стекла не возвратил, и со стороны артели напоминаний не было.

Фиктивность документов и факт хищения были вскрыты только

в сентябре 1948 года ревизором Министерства финансов СССР.

4. Шпрингер утверждал, что 3000 руб. он вернул Корсунскому, который приезжал за деньгами 29 ноября 1947 г. Эти его показания подтверждают мать и жена Шпрингера. Между тем проверкой установлено, что в эти дни Корсунский из Москвы не выезжал, а находился на заводе.

Коллегия в своем определении по вопросу возврата Шпрингером денег сослалась на показания свидетеля Чистякова о том, что в его присутствии Шпрингер рассказывал о несостоявшейся перевозке стекла, что он 3000 руб. вернул Корсунскому и последний это не отрицал.

Установлено, что Чистяков, работавший бухгалтером другого предприятия, такие показания давал. Однако из полного текста его показаний видно, что Шпрингер вместе с Корсунским явились к нему на квартиру осенью 1948 года, т. е. после того, как ревизором было выявлено совершенное хищение денег. Оба они явились за консультацией по вопросу о том, можно ли в 1948 году оприходовать по артели деньги задним числом — 1947 годом. Независимо от того, как они объяснили, у кого находятся эти деньги, факт их совместного обращения по указанному вопросу свидетельствует о попытке скрыть совершенное преступление после того, как оно было выявлено.

Таким образом, все указанные обстоятельства объективно подтверждают правильность сделанного линейным судом вывода о том, что Корсунский и Шпрингер совершили преступление по взаимному сговору.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР по делу Корсунского и Шпрингера отменить, оставив в отношении их в силе приговор линейного суда Октябрьской ж. д. и определение окружного суда железнодорожного транспорта Северо-Западного округа.

2. НЕПРАВИЛЬНЫЙ ВЫВОД О СОУЧАСТИИ ОБВИНЯЕМОГО В КРАЖЕ, ОСНОВАННЫЙ НА ОДНОМ ЛИШЬ ФАКТЕ ОСВЕДОМЛЕННОСТИ ЕГО О ФАКТЕ КРАЖИ И О МЕСТЕ СОКРЫТИЯ ПОХИЩЕННОГО

*Дело Соляника. Постановление Пленума
от 11 января 1952 г.*

По приговору народного суда 1-го участка г. Электростали Московской области, оставленному в силе определением Московского областного суда, Соляник в числе других был осужден по ст. 17 УК РСФСР и ч. 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Соляник признан виновным в том, что в ночь на 1 августа он принял участие в сокрытии вещей, похищенных из общежития Головенковым, Кулябиным и Сняковым, также осужденными по настоящему делу.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР, вынесенным по протесту Председателя Верховного суда РСФСР, приговор народного суда и определение областного суда в отношении Соляника были отменены и дело о нем производством прекращено.

Это определение по протесту Генерального Прокурора СССР было отменено определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР, оставившим в силе приговор народного суда и определение областного суда.

Считая определение Коллегии Верховного суда СССР неправильным, Председатель Верховного суда СССР внес протест в Пленум Верховного суда СССР. Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Из дела видно, что в ночь на 1 августа Сняков, Головенков и Кулябин похитили из общежития две шинели, один костюм, две пары ботинок, несколько рубашек и ручные часы, которые впоследствии, за исключением часов, были обнаружены на чердаке общежития, где проживал Соляник.

Соляник показал, что никакого участия в хищении вещей из общежития он не принимал и что когда он возвращался с гулянья, то видел лишь, что другие осужденные по делу несли какие-то вещи в барак, где проживал он и другие рабочие.

Равным образом и другие осужденные показали, что вещи они похитили без участия Соляника и когда они понесли прятать эти вещи, то видели Соляника, возвращавшегося домой с гулянья, причем Соляник пошел домой, а они пошли прятать вещи на чердак.

Прекращая дело Соляника, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР указала, что обвинение его в соучастии в хищении не доказано, а то обстоятельство, что он видел обвиняемых с похищенными вещами и знал о факте хищения, не содержит состава преступления.

Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила указанное определение, указав, что Соляник на предварительном следствии подробно рассказал о краже, что его показания соответствовали обстоятельствам кражи и он мог их дать лишь в том случае, если он присутствовал при краже и при том, как прятали вещи.

Эти соображения не могут быть признаны убедительными, так как осведомленность Соляника о факте кражи и о том, где были спрятаны указанные вещи, еще не является обстоятельством, доказывающим само соучастие Соляника в краже или в сокрытии кражи.

Учитывая, что как Соляник, так и другие сообвиняемые категорически заявили в суде, что Соляник не причастен к краже и к сокрытию похищенных вещей, что в деле имеется положительная характеристика жильцов дома, где проживал

Соляник, а также положительная производственная характеристика с производства, следует признать, что Верховный суд РСФСР правильно оценил все имеющиеся в деле доказательства с учетом личности Соляника и правильно пришел к выводу о недоказанности обвинения Соляника.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

3. НЕПРАВИЛЬНЫЙ ПОДХОД СУДА К РЕШЕНИЮ СПОРА О НАСЛЕДСТВЕ БЕЗ УЧЕТА КОНКРЕТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СВЯЗАННЫХ СО ВРЕМЕНЕМ ОТКРЫТИЯ НАСЛЕДСТВА

Дело Евстратова. Постановление Пленума от 29 февраля 1952 г.

В августе 1948 года погибли от несчастного случая члены крестьянского двора Варламов Дмитрий, его жена и сестра. В октябре 1948 года Евстратов, отец жены Варламова Д., обратился в суд с иском о признании за ним права на имущество, оставшееся после его погибшей дочери.

В исковом заявлении Евстратов указал, что всем имуществом семьи Варламова Дмитрия завладели братья последнего — Павел и Григорий Варламовы.

12 ноября 1948 г. народный суд Жиздринского района, Калужской области, решил признать Евстратова, Варламова Павла и Варламова Григория наследниками к имуществу, оставшемуся после умерших Варламовых, и выделил на долю Евстратова хату и временку, а на долю Варламовых — остальное имущество.

Определением от 3 декабря 1948 г. Калужский областной суд решение народного суда отменил и дело передал на новое рассмотрение. В определении было указано, что последним из семьи Варламовых умер Варламов Дмитрий, остальные члены двора умерли раньше его и поэтому наследовать имущество могут только братья умершего — Варламовы Павел и Григорий, но не Евстратов, являвшийся тестем умер-

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР в отношении Соляника отменить, оставив о нем в силе определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР, согласно которому дело Соляника за недоказанностью обвинения производством прекращено.

При вторичном рассмотрении дела 15 января 1949 г. народный суд Думиничского района признал наследниками Варламова Павла и Варламова Григория, а в иске Евстратову отказал. Это решение было оставлено в силе определением Калужского областного суда от 2 февраля 1949 г.

По данному делу был внесен Прокурором РСФСР протест в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного суда РСФСР, определением которой от 9 декабря 1950 г. протест был отклонен. Равным образом 30 июня 1951 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отклонила протест Председателя Верховного суда СССР. В связи с этим Председатель Верховного суда СССР внес в Пленум Верховного суда СССР протест, который подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Семья Варламова Дмитрия составляла крестьянский двор, прекративший в 1948 году существование в результате несчастного случая, жертвой которого стали все члены двора.

Хотя Варламов Дмитрий действительно умер на два дня позже других членов двора, но в данном конкретном случае факт этот не может служить доказательством того, что

Варламов Дмитрий принял имущество умерших раньше его членов двора.

Вся обстановка несчастного случая с Варламовыми исключает презумпцию подобного правопреемства, и решать на основе такой презумпции данное дело было бы сугубо формальным и неправильным.

Фактические обстоятельства дела дают достаточные основания для признания того, что двор Варламовых следует считать прекратившим свое существование с момента несчастного случая, от которого умерли Варламовы, а не с календарной даты смерти Варламова Дмитрия.

Поскольку же крестьянский двор прекратил свое существование в результате одновременной гибели его членов, вопрос о праве наследования имущества двора должен разрешаться на основании ст. 418 ГК РСФСР с учетом наследников каждого из членов двора.

Ввиду всего изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Калужского областного суда от 3 декабря 1948 г. и все последующие судебные решения и определения по данному делу отменить, оставив в силе решение народного суда Жиздринского района от 12 ноября 1948 г.

4. ОТМЕНА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ, ВЫЗВАННАЯ РАЗДЕЛЬНЫМ РАССМОТРЕНИЕМ СУДОМ ИСКА О ВЗЫСКАНИИ С ОТВЕТЧИКА АЛИМЕНТОВ НА РЕБЕНКА И ИСКА ОТВЕТЧИКА О НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЗАПИСИ ЕГО ОТЦОМ

*Дело Байчук к Залужному о взыскании алиментов.
Постановление Пленума от 29 февраля 1952 г.*

В 1949 году Байчук предъявила иск к Залужному о взыскании алиментов на ребенка, родившегося в июне 1941 года, отцом которого был записан при регистрации рождения Залужный.

23 мая 1949 г. народный суд 2-го участка Копыльского района, Бобруйской области, решил взыскать с Залужного алименты на содержание ребенка в размере $\frac{1}{4}$ заработной платы ответчика, начиная с 15 марта 1949 г. до совершеннолетия ребенка. 1 июня 1949 г. Бобруйский областной суд решение народного суда оставил в силе.

3 июня 1949 г. Залужный обратился с иском к Байчук о признании недействительной записи его отцом ребенка Байчук в свидетельстве о рождении.

Дело это неоднократно рассматривалось в судебных органах, и последним решением Верховного суда БССР от 22 апреля 1950 г. запись Залужного отцом ребенка Байчук в свидетельстве о рождении признана недействительной.

Указывая на противоречие решения Верховного суда БССР по иску Залужного решению народного суда по иску Байчук, Председатель Верховного суда СССР внес в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного суда СССР протест, которым предлагалось оба решения отменить, объединить оба дела в одно производство и передать дело на новое рассмотрение.

28 июля 1951 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение Верховного суда БССР, вынесенное по иску Залужного, и прекратила это дело производством на основании ст. 2 ГПК БССР, решение же народного суда, вынесенное по иску Байчук к Залужному о взыскании алиментов на ребенка, оставила в силе.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, внесенным им в Пленум Верховного суда СССР, Пленум находит, что определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного су-

да СССР подлежит отмене по следующим основаниям:

Коллегия правильно указала в своем определении, что при наличии вступившего в законную силу решения народного суда о взыскании с Залужного алиментов должен считаться окончательно разрешенным не только вопрос об обязанности Залужного платить алименты, но и вопрос об отцовстве Залужного в отношении этого ребенка, в силу чего требование Залужного об отмене записи его отцом ребенка в свидетельстве о рождении не могло быть предметом вторичного рассмотрения суда.

Однако, имея перед собой два дела с противоречивым фактическим материалом относительно отцовства Залужного, Судебная коллегия Верховного суда СССР, рассматривая дела в порядке надзора, не должна была ограничиваться отменой решения, постановленного по иску Залужного, а обязана была войти также в проверку законности и обоснованности решения суда, постановленного по иску Байчук.

Как усматривается из дела по иску Байчук к Залужному об алиментах, суд признал установленным, что в период, относящийся к зачатию ребенка, Залужный неоднократно приезжал из армии к своим родным и встречался с Байчук, у которой от сожительства с ответчиком родился 20 июня 1941 г. ребенок, причем при установлении этих обстоятельств суд исходил из показа-

ний свидетелей Мисевич и Березовской.

В решении же суда по иску Залужного к Байчук установленными значатся факты противоположного характера. В решении Верховного суда БССР указано, что Залужный приезжал из армии к родным только один раз в мае или июне 1940 года, т. е. в период, не относящийся к зачатию ребенка, что показания свидетелей Мисевич и Березовской относятся к взаимоотношениям Залужного с Байчук в 1939 году и о взаимоотношениях этих лиц в 1940 году, в период зачатия ребенка, свидетелям ничего не известно.

При наличии столь резкого расхождения в фактических обстоятельствах, имеющих существенное значение для разрешения спора между Байчук и Залужным, Судебная коллегия неосновательно отклонила доводы протеста о том, что необходимо отменить судебные решения по обоим делам и что правильное решение по делу может быть вынесено лишь при одновременном рассмотрении исков Байчук и Залужного и оценки собранных доказательств в их совокупности.

Ввиду всего изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Все состоявшиеся по обоим делам судебные решения и определения отменить, оба дела объединить в одно производство и передать его на рассмотрение в Верховный суд БССР по первой инстанции.

МБЛ

ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. НЕЗАКОННОЕ ОБРАЩЕНИЕ В СВОЮ СОБСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ ПОД ВИДОМ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «ВРЕМЕННОГО ПОЗАИМСТВОВА- НИЯ», КАК ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЕ СОБОЙ ЗАВУАЛИРОВАННУЮ РАСТРАТУ, ДОЛЖНО КВАЛИФИЦИРОВАТЬСЯ ПО УКАЗУ ОТ 4 ИЮНЯ 1947 г.

*Дело Кулакова. Определение Железнодорожной коллегии
от 2 апреля 1952 г.*

По приговору линейного суда Горьковской ж. д., оставленному в силе определением окружного суда железнодорожного транспорта Центрального округа, Кулаков осужден по ст. 109 УК РСФСР.

Кулаков признан виновным в том, что, являясь экспедитором орска ст. Шахунья Горьковской ж. д., сопровождая товары в арендованном орсом вагоне, при доставке их с баз промышленности г. Горького на базу орска, систематически часть товаров обращал в личную пользу, а часть продавал работникам орска за наличный расчет и деньги, получаемые за товар, также расходовал на личные нужды.

Так, за время с марта 1950 года по февраль 1951 года Кулаков недосдал материальных ценностей, обратив их в личную пользу, на общую сумму 2826 р. 81 к.; после ревизии Кулаков внес в кассу орска 2826 р. 81 к. и недостачу погасил.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, полагавшего необходимым приговор и определение окружного суда в отношении Кулакова отменить и дело о нем направить на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства по признакам ст. 2 Указа Президиума

Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», Железнодорожная коллегия установила:

Из материалов дела видно, что Кулаков был привлечен к уголовной ответственности и предан суду по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», причем и линейный суд признал Кулакова виновным в том, что он недосдал разных товаров на сумму 2826 р. 81 к. и обратил их в личную пользу.

В частности, по приговору суда Кулаков признан виновным в том, что без оплаты стоимости присвоил из вверенных ему товаров: в мае 1950 года — 800 г вина; в июне 1950 года — две пары брезентовых туфель стоимостью 56 руб. и один газовый шарф стоимостью 46 р. 50 к.; в октябре 1950 года — десять килограммов дрожжей, из которых 5 килограммов продал своим знакомым; в декабре 1950 года — одну бочку соленых помидоров весом 100 кг на сумму 200 руб.; в январе 1951 года — один железный таз стоимостью 31 р. 45 к. и т. д., всего на сумму 2826 р. 81 к.

Признав Кулакова виновным в изложенном выше, линейный суд пере-квалификацию его действий со ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. на ст. 109 УК РСФСР мотивировал тем, что Кулаков, оставляя себе часть товаров и продавая из них своим знакомым, не имел умысла их присваивать, а имел в виду впоследствии стоимость их внести в кассу орс, прич-ем о каждом случае недостачи то-варов было известно работникам бухгалтерии орс, которые эти не-достачи зачисляли на счет Кула-кова.

Отвергая квалификацию преступ-ных действий Кулакова по Указу от 4 июня 1947 г. и признавая его ви-новным по ст. 109 УК РСФСР, ли-нейный суд сослался в приговоре на показания свидетелей и личное при-знание Кулаковым своей вины в злоупотреблении служебным поло-жением, между тем имеющиеся в деле показания свидетелей, да и показания самого Кулакова, наобо-рот, находятся в резком противоре-чии с выводами суда об отсутствии в действиях Кулакова признаков хищения государственного имуще-ства.

Так, свидетель Никифоров, за-меститель начальника орс, пока-зал, что руководству орс не было известно, что Кулаков часть това-ров, получаемых с баз промышлен-ности г. Горького, обращает в лич-ную пользу, а когда узнавали, что у него имеют место недостачи, то неоднократно предупреждали о не-допустимости этого, но недостачи у Кулакова продолжали иметь ме-сто, вследствие чего его вынуждены были уволить. Свидетель Замыслова, старший бухгалтер конторы орс, показала, что о недостачах у Кулакова бухгалтерия узнавала не раньше как через месяц после недосдачи им товара на базу орс и когда требовали от Кулакова от-чета, то он о причинах недостачи

ничего не говорил, а обещал только отчитаться, но обещаний не выпол-нял, вследствие чего за ним обра-зовалась задолженность в сумме 2826 р. 81 к.

И далее свидетель Замыслова по-казала, что Кулаков, не выполняя требования бухгалтерии и не пред-ставляя отчета, получив в феврале 1951 года зарплату около 1500 руб., все же свою задолженность не пога-сил, а уехал в г. Горький. Только после возбуждения настоящего дела Кулаков внес в кассу орс деньги и погасил числящуюся за ним недо-стачу.

Сам Кулаков показал, что он ча-сто обращал в личную пользу раз-ные товары, причем делал это само-вольно и стоимость присвоенного в кассу орс не вносил.

Некоторые из товаров, как пока-зал Кулаков, он продавал своим знакомым и деньги, получаемые с них, также в кассу орс не сда-вал.

При наличии таких показаний свидетелей и самого Кулакова ли-нейный суд свои выводы об отсут-ствии в действиях Кулакова призна-ков хищения государственного иму-щества ничем по существу не моти-вировал, а показаниям указанных выше свидетелей и Кулакова ника-кой оценки не дал, чем допустил нарушение ст. 319 УК РСФСР и постановления Пленума Верхов-ного суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре».

В силу изложенного Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор линейного суда Горь-ковской ж. д. и определение окруж-ного суда железнодорожного транс-порта Центрального округа в отно-шении Кулакова отменить, а дело о нем направить в тот же суд на новое рассмотрение в ином составе со стадии судебного разбиратель-ства.

2. КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТМЕНЕНО ВСЛЕДСТВИЕ НЕПРАВИЛЬНОЙ ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОСУЖДЕННОГО

*Дело Апицина. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 29 марта 1952 г.*

По приговору Ненецкого окружного суда осужден Апицин по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» со взысканием в пользу колхоза имени Кирова 2798 р. 44 к. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор изменен, действия Апицина пере-квалифицированы на ст. 109 УК РСФСР.

Протест Генерального Прокурора СССР принесен на предмет отмены определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Апицин признан судом виновным в том, что он, работая председателем колхоза имени Кирова с июня 1950 года по январь 1951 года, нарушал Устав сельскохозяйственной артели, авансирование колхозников производил без учета выработанных ими трудодней, а иногда авансировал колхозников, которые вообще не работали в колхозе. В результате этого допустил дебиторскую задолженность колхозников по состоянию на 1 января 1951 г. в сумме 41 694 руб.

В июне 1950 года, получив для доставки из одного торгового отделения рыбкоопа в другое 120 бутылок спирта в двух ящиках, Апицин один ящик вскрыл в пути и начал пьянствовать сам и раздавал спирт другим лицам. В результате оказалась недостача 34 бутылок спирта на сумму 2335 руб.

В целях избежания ответственности Апицин, используя свое служебное положение, покрыл растроченные им материальные ценности рыбкоопа деньгами, принадлежащими колхозу. Апицин составил на

указанную сумму ведомость, по которой он якобы выдал деньги колхозникам, а затем эту сумму перечислил с расчетного счета колхоза на счет Малоземельского рыбкоопа.

В июле 1951 года Апицин, получив от продавца магазина Копытова выручку в сумме 2192 руб. для сдачи в отделение Госбанка, деньги пропил, а затем эту сумму перечислил со счета колхоза на расчетный счет рыбкоопа.

Проверив материалы дела, Судебная коллегия по уголовным делам находит протест подлежащим удовлетворению по следующим основаниям:

Апицин на предварительном следствии, а также в суде признал себя виновным в предъявленном ему обвинении и пояснил, что часть спирта из недостающих 34 бутылок он распил сам, а остальное количество спирта раздал колхозникам без оплаты его стоимости.

В отношении растраты 2192 руб. пояснил, что часть денег он пропил, часть раздал колхозникам, а часть денег у него была похищена, когда он был в нетрезвом виде. На требование рыбкоопа о возвращении денег дал указание счетоводу колхоза перевести деньги со счета колхоза на счет рыбкоопа, скрыв тем самым имевшуюся растрату.

Указание же Судебной коллегии Верховного суда РСФСР на то, что Апицин не признал себя виновным в присвоении кооперативных средств, не соответствует материалам дела.

Судебная коллегия пере-квалификацию действий Апицина со ст. 4 названного выше Указа на ст. 109 УК РСФСР мотивировала тем, что стоимость недостающего спирта была возмещена и претензии к моменту рассмотрения дела в суде ни рыбкооп, ни колхоз к Апицину не имели, а 2192 руб., полученные от продавца магазина и присвоенные

им, впоследствии были отнесены на подотчет Апицина.

Доводы коллегии неосновательны. Факты присвоения спирта и денег установлены материалами дела. Этого обстоятельства не отрицает и Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, которая в определении указала: «Апицин... в пути следования израсходовал часть спирта для себя, а часть раздал другим лицам». Винодность Апицина «...в раздаче им части денег колхозникам и израсходовании части денег на свои нужды также установлена по делу». Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР расценивает действия Апицина как злоупотребление по службе только потому, что осужденным расхищенные суммы были возмещены.

Доводы Судебной коллегии Верховного суда РСФСР являются неправильными, ибо как последующее возмещение ущерба, причиненного в результате хищения, так и отнесение на счет Апицина суммы, которую он похитил, а затем возместил средствами, принадлежащими колхозу, не освобождает Апицина от ответственности за совершенное им

присвоение общественного имущества и не дает оснований квалифицировать эти действия по ст. 109 УК РСФСР как злоупотребление по службе. Возмещение нанесенного ущерба может быть принято во внимание при назначении наказания.

Указание Коллегии на то, что действия Апицина в части нарушения Устава сельскохозяйственной артели при авансировании колхозников подпадают под признаки ст. 109 УК РСФСР, является правильным. Однако, учитывая, что Апицину не было предъявлено обвинение по ст. 109 УК РСФСР, возвращать дело в настоящее время на новое рассмотрение для предъявления обвинения по ст. 109 УК и ст. 4 Указа от 4 июня 1947 г. нецелесообразно и нет в этом необходимости.

В силу изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменить, дело в отношении Апицина вернуть на новое кассационное рассмотрение в ту же Коллегию, но в ином составе.

3. СУД НЕ ВПРАВЕ ВОЗЛАГАТЬ НА ОБВИНЯЕМОГО ОБЯЗАННОСТЬ ДОКАЗЫВАТЬ СВОЮ НЕВИНОВНОСТЬ В ПРЕДЪЯВЛЕННОМ ЕМУ ОБВИНЕНИИ

Дело Тертерсян и Ерошенко. Определение Железнодорожной коллегии от 20 октября 1951 г.

По приговору линейного суда Закавказской ж. д. Тертерсян и Ерошенко осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Окружным судом Железнодорожного транспорта Кавказского округа приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР установила:

Тертерсян и Ерошенко признаны виновными в том, что первая, являясь заведующей магазином орс

Сухумского отделения Закавказской ж. д., а вторая — продавцом того же магазина, за время с марта по июнь 1950 года присвоили 43 850 руб., вырученных от продажи товара.

Генеральный Прокурор СССР внес протест на предмет отмены приговора и направления дела на следствие.

Приговор линейного суда Закавказской ж. д. и определение окружного суда Железнодорожного транспорта Кавказского округа подлежат отмене.

В основу обвинительного приговора в отношении Ерошенко и Тертерсян по ст. 2 Указа Президиума Верховного суда СССР от 4 июня

1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» линейный суд привел ссылку на заключение бухгалтерской экспертизы и показания свидетелей Пивоварова, Канзас, Лисанд и других лиц, допрошенных в судебном заседании.

Между тем заключение экспертизы сводится лишь к установлению размеров недостачи товаро-материальных ценностей в магазине и констатации того, что ответственность за недостачу товаров должна быть возложена на материально-ответственных лиц.

Перечисленные выше свидетели в своих показаниях на суде смогли лишь удостоверить факт недостачи товаров в магазине, но никто из них не уличал подсудимых в совершении ими хищений из магазина товаров или денежных средств.

Сам по себе факт обнаружения недостачи товаро-материальных ценностей в магазине не может служить основанием для признания Ерошенко и Тертерсян виновными по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Опровергая объяснения подсудимых о том, что недостача товаров могла образоваться в результате их неопытности в торговом деле и халатного отношения к работе, линейный суд сослался в приговоре на то, что Ерошенко работала в торговой сети более пяти лет, а Тертерсян не могла доказать, что при получении и отпуске товаров она допускала ошибки.

Такое обоснование обвинительно-го приговора в отношении Тертерсян совершенно неправильно. Суд не вправе возлагать на обвиняемого обязанность доказывать свою невиновность в предъявленном ему обвинении, равно как не вправе считать обвинение доказанным только потому, что обвиняемый не доказал своей невиновности.

В соответствии со ст. 319 УПК РСФСР суд основывает свой приго-

вор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании, причем оценка доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности.

Пятилетний стаж работы в торговой сети Ерошенко также не мог служить обстоятельством, опровергающим объяснения Ерошенко о причинах образования недостачи товаров.

Утверждение окружного суда, что во время ревизии в магазине Тертерсян давала неправильные сведения о количестве товара и завышала его стоимость, что якобы подтверждает ее вину в хищении и опровергает версию, выдвинутую обвиняемыми, находится в противоречии с материалами дела.

Ревизор орс Канзас показала, что во время ревизии количество товара в магазине она проверяла лично, а Тертерсян лишь называла цены товаров.

Из показаний того же ревизора Канзас и осужденных Тертерсян и Ерошенко видно, что магазин с 24 июня по 1 июля 1950 г. был закрыт и продажи товаров из магазина не производилось.

Таким образом, почему недостача, установленная ревизором Канзас по состоянию на 24 июня 1950 г. в сумме 29 000 руб., увеличилась к 1 июля 1950 г. до 43 850 руб., не выяснено.

Ввиду изложенного, соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор линейного суда Закавказской ж. д. и определение окружного суда железнодорожного транспорта Кавказского округа в отношении Тертерсян и Ерошенко отменить, дело о них направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия для выяснения причин недостачи товаров в магазине и в зависимости от этого квалифицировать действия Тертерсян и Ерошенко.

4. ИЗМЕНЯЯ ПРИГОВОР, СУД ВТОРОЙ ИНСТАНЦИИ ДОЛЖЕН УКАЗАТЬ, ЧЕМ ОПРОВЕРГАЮТСЯ МОТИВЫ, ПОЛОЖЕННЫЕ СУДОМ В ОСНОВУ ПРИГОВОРА

Дело Лисса. Определение Железнодорожной коллегии от 8 марта 1952 г.

По приговору линейного суда Карагандинской ж. д. Лисс был осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и по ст. 111 УК РСФСР.

Определением окружного суда железнодорожного транспорта Урало-Сибирского округа приговор суда был изменен, преступление Лисса переквалифицировано со ст. 2 названного выше Указа от 4 июня 1947 г. на ст. 109 УК РСФСР, а по ст. 111 УК приговор отменен и дело производством прекращено.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР на определение окружного суда железнодорожного транспорта Урало-Сибирского округа, Железнодорожная коллегия установила:

Лисс признан виновным в том, что он, будучи заведующим магазином участкового материального склада на станции Агадырь Карагандинской ж. д., в мае и июле 1950 года совместно с Дегтяревым, осужденным по данному делу, незаконно продал со склада разным лицам строительный горбыль и доски на сумму 1373 руб. и эти деньги присвоил.

Кроме того, Лисс признан виновным в том, что он халатно относился к исполнению своих служебных обязанностей, не вел надлежащего учета материальных ценностей, в результате чего во вверенном ему магазине образовалась недостача на сумму 4884 руб.

Ознакомившись с материалами дела, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР находит, что определение окружного суда является неправильным и подлежащим отмене по следующим основаниям:

Изменение квалификации преступления окружной суд мотивировал тем, что, как видно из показаний Лисса в суде, деньги в сумме 4884 руб. им не присвоены, а переданы Дегтяреву и что это объяснение частично подтверждено свидетелем Лисс Розой — женой осужденного, утверждавшей, что она была очевидцем передачи Дегтяреву каких-то документов и денег.

Прекращая дело по ст. 111 УК, окружной суд указал, что причина недостачи и излишков по делу не установлена.

Определение окружного суда как в части переквалификации действий Лисса со ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на ст. 109 УК РСФСР, так и в части прекращения дела по ст. 111 УК РСФСР вынесло без учета ряда доказательств по делу.

Из показаний свидетелей Сидорович, Ганзюк, Копотиловой и Ахметбекова, допрошенных на предварительном и судебном следствии, видно, что они строительный горбыль в магазине, которым заведывал Лисс, покупали хотя и с разрешения Дегтярева, но деньги платили лично Лиссу, и что последний, получив с них деньги, никаких квитанций или других документов о получении денег не выдавал.

Свидетели Дунаев и Комаринцев показали, что они получали строительный горбыль от Лисса и без разрешения Дегтярева, Лисс сам оформлял отпуск фиктивными требованиями, и он же получал деньги, но квитанции не выдавал. В частности, Лисс отказал Дунаеву выдать ему квитанцию на 405 руб.

Из материалов дела видно, что Дегтярев о продаже горбыля Дунаеву и Комаринцеву не знал. Факт получения денег от граждан за проданный им горбыль Лисс не отрицал и объяснял, что получаемые с покупателей деньги он отдавал Дегтяреву, но никаких доказательств, подтверждающих сдачу денег Дегтяреву, не приводил. Между тем Дегтярев заявил, что денег от Лисса он не получал.

По имеющимся в деле данным Лисс не имел права получать наличные деньги от покупателей за проданные товары. Порядок выдачи товаров и оформления документов, как заявил сам Лисс, ему известен. По этому порядку Лисс должен выдавать товары по письменному требованию с визой начальника склада и бухгалтера и с отметкой об уплате денег в кассу склада.

Лисс, давая суду пояснения о своих преступных действиях, квалифицированных по ст. 111 УК РСФСР,

утверждал, что учетные карточки на отпущенные товары он не заполнял при отпуске товаров нетранспортным организациям и гражданам документов не оформлял, а следовательно, учета не вел, в чем он и признал себя виновным.

Не исключено, что это и явилось причиной недостачи. Однако окружной суд не дал оценки этим показаниям Лисса.

По обвинению в хищении окружной суд принял во внимание только показания жены осужденного и не учел показаний остальных свидетелей.

В силу изложенного Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Определение окружного суда железнодорожного транспорта Уралосибирского округа в отношении Лисса отменить и дело направить на новое рассмотрение в окружной суд железнодорожного транспорта Приволжского округа.

5. НЕПРАВИЛЬНОЕ ОБВИНЕНИЕ В ХИЩЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА ПРИ ОТСУТСТВИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ТОГО, ЧТО ОБВИНЯЕМЫЙ ЗНАЛ ИЛИ МОГ ЗНАТЬ, ЧТО ПОХИЩЕННОЕ ИМ ИМУЩЕСТВО ЯВЛЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ

Дело Тимашкова. Определение Железнодорожной коллегии от 3 января 1952 г.

По приговору линейного суда Белорусской ж. д. Тимашков осужден по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением окружного суда Западного округа приговор оставлен в силе.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев дело по протесту Председателя Верховного суда СССР, установила:

Тимашков признан виновным в том, что он 30 августа 1950 г. в пригородном поезде, следовавшем со станции Брянск до станции Починок Западной ж. д., похитил у пассажира Стрижакова сумку, в которой находилось 50 м парашютного шну-

ра и 50 штук фуражек, полученных Стрижаковым в отделе народного образования для детского дома.

Председатель Верховного суда СССР внес протест на предмет переквалификации преступления Тимашкова со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на ч. 1 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Протест Председателя Верховного суда СССР подлежит удовлетворению.

По делу не установлено, что Тимашков, совершая кражу фуражек

у Стрижакова, знал, что это имущество принадлежит государственной или общественной организации. Обстоятельства совершения преступления также свидетельствуют о том, что умысел Тимашкова был направлен на кражу личного имущества пассажира. Стрижаков в качестве пассажира ехал в общем вагоне, и фуражки находились у него в сумке. При таких обстоятельствах дела действия Тимашкова квалифицированы линейным судом как хищение государственного имущества неправильно.

В силу изложенного Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор линейного суда Белорусской ж. д. и определение окружного суда Западного округа по делу Тимашкова изменить. Переквалифицировать действия Тимашкова со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на ч. 1 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Прекращая дело, Верховный суд Таджикской ССР указал, что Рахимов не признавал себя виновным в хищении денег у потерпевших, а потерпевшие Байвидов и Данилов лично не видели, что Рахимов похитил у них деньги.

6. ОТМЕНЯЯ ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР С ПРЕКРАЩЕНИЕМ ДЕЛА, ВЫШЕСТОЯЩИЙ СУД ДОЛЖЕН УКАЗАТЬ, ЧЕМ ОПОРОЧЕНЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ПОЛОЖЕННЫЕ СУДОМ В ОСНОВУ ОБВИНЕНИЯ

Дело Рахимова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 15 марта 1952 г.

По приговору народного суда Гиссарского района Рахимов был осужден по ч. 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Рахимов признан виновным в том, что он систематически совершал кражи личной собственности граждан.

Так, в ночь на 2 августа он в районном центре Гиссарского района, воспользовавшись нетрезвым состоянием Байвидова, похитил из кармана последнего 400 руб. 18 сентября Рахимов там же, воспользовавшись нетрезвым состоянием Данилова, похитил у него портфель с деньгами в сумме 2500 руб.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Таджикской ССР, рассматривая дело в кассационном порядке, приговор народного суда отменила и дело производством прекратила за недоказанностью обвинения.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла, что определение Верховного суда Таджикской ССР подлежит отмене, а дело направлению на новое рассмотрение по следующим основаниям:

Эти соображения являются недостаточными для прекращения дела тем более, что Верховный суд оставил без внимания ряд существенных доказательств, собранных по делу.

Из материалов дела видно, что в хищении 400 руб. у Байвидова Рахимова изобличали свидетели Фазылов и Султанов.

По второму эпизоду обвинения Рахимов, будучи допрошенным 21 сентября, показал, что 2500 руб. с портфелем у Данилова 18 сентября он не похитил, что с 16 по 20 сентября 1951 г. он не находился в Гиссарском районе, а был в г. Сталинабаде, куда его направил Гиссарский райвоенкомат для прохождения медицинского освидетельствования.

Из справки, выданной райвоенкоматом Гиссарского района, видно, что Рахимов райвоенкоматом не был направлен в г. Сталинабад и что Рахимов вообще на военном учете не состоял.

Когда версия алиби Рахимова была по делу опровергнута, Рахимов признался, что 18 сентября он находился в Гиссарском районе.

Свидетель Нигматулин показал, что 18 сентября вечером он видел Рахимова в закусочной около пьяного Данилова и что портфель последнего был раскрыт, что он, Нигматулин, попросил Данилова закрыть портфель, больше не пить и уйти домой, на что Рахимов обиделся и сказал: «Какое ваше дело», при этом нанес ему удар и вывел его из закусочной. Показания Нигматулина подтвердил свидетель Аюпов, буфетчик закусочной.

Свидетельница Инаева показала, что она у двери закусочной на улице видела пьяного Данилова и что в это время подходил к нему Рахимов, отнял у него портфель и скрылся.

Свидетель Антонов показал, что он поздно вечером 18 сентября, проходя по улице, видел Рахимова, который быстрым шагом прошел со стороны закусочной, неся что-то под одеждой, и что в этот момент со стороны закусочной доносился крик пьяного об оказании помощи.

Верховный суд Таджикской ССР не дал оценки указанным доказательствам обвинения и не указал, почему они не могут быть учтены при решении вопроса о виновности Рахимова.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Таджикской ССР по делу Рахимова отменить и дело направить на новое кассационное рассмотрение в Верховный суд Таджикской ССР в ином составе судей.

7. НАРУШЕНИЕ СТ. 319 УПК РСФСР

Дело Мухина. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 16 февраля 1952 г.

По приговору народного суда 2-го участка Центрального района г. Владимира Мухин осужден по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Владимирского областного суда приговор оставлен в силе.

Протест Председателем Верховного суда СССР внесен на предмет отмены приговора народного суда, определения областного суда и прекращения дела производством в отношении Мухина.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Мухин судом признан виновным в том, что он в ночь на 5 июля

1951 г., по договоренности с осужденными по этому же делу Мешковым, Братчиковым Владимиром и скрывшимся Блохиным, в коридоре дома № 15 по ул. Красноармейской г. Владимира совершил разбойное нападение на гр-на Гаврилова. Грабители повалили Гаврилова на пол, заткнули ему рот тряпкой, а затем сняли с него пиджак и один ботинок, но, будучи замечены, убежали с награбленными вещами.

Мухин также признан виновным в том, что он совместно с Братчиковым Владимиром и Мешковым в ночь на 4 июля 1951 г. совершил хищение двух мешков семечек из сушилки артели «Пищепродукт».

Проверив материалы дела, Судебная коллегия находит протест подлежащим удовлетворению по следующим основаниям:

Как на предварительном следствии, так и в суде Мухин виновным себя не признал.

В приговоре суд сослался на то, что виновность Мухина подтвер-

ждается показаниями свидетелей Кириллова и Братчикова Виктора, данными органам предварительного следствия, а также показаниями свидетеля Дударева.

Судебная коллегия считает, что показания указанных свидетелей не могут быть положены в основу обвинительного приговора в отношении Мухина. Свидетель Кириллов был задержан гражданином Дударевым совместно с Братчиковым по подозрению в ограблении гражданина Гаврилова. Кириллов отрицал свою виновность в ограблении Гаврилова и указал на Мухина. В судебном заседании Кириллов показал, что ему ничего не известно об ограблении Гаврилова и краже семечек, а от показаний, данных органам следствия, категорически отказался, пояснив, что таких показаний не давал.

Свидетель Братчиков Виктор — брат осужденного Братчикова Владимира, на показания которого ссылается суд в приговоре, — в суде показал, что он не говорил свидетелю Кириллову о том, что семечки были похищены его братом совместно с Мухиным. Что касается свидетеля

Дударева, то он также не изобличает Мухина. Дударев показал, что он встретил Мухина на улице Сун Ят-сена, тогда как ограбление было совершено на улице Красноармейской. Потерпевший Гаврилов опознал за грабителей Братчикова и Мешкова. Осужденные Братчиков и Мешков отрицают какое-либо участие Мухина в совершенных ими преступлениях. Из изложенного явствует, что обвинительный приговор в отношении Мухина вынесен не на основе материалов дела, а на одном лишь предположении, исходя из того, что он ранее был судим. Приговор при таких обстоятельствах подлежит отмене за нарушением ст. 319 УПК РСФСР.

Поэтому, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 2-го участка Центрального района г. Владимира и определение Владимирского областного суда в отношении Мухина отменить и дело в отношении его производством прекратить за недоказанностью предъявленного обвинения.

8. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫШЕСТОЯЩЕГО СУДА ОБ ОТМЕНЕ ПРИГОВОРА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОСТАВЛЕНО В СИЛЕ, ЕСЛИ МОТИВЫ, ПОЛОЖЕННЫЕ В ОСНОВУ ПРИГОВОРА, НЕ ОПРОВЕРГНУТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ

Дело Михейчика. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 15 марта 1952 г.

По приговору Молодечненского областного суда Михейчик осужден по ст. 196 УК БССР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР приговор областного суда отменила и дело в отношении Михейчика передала на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Протест Генеральным Прокурором СССР принесен на предмет отмены определения Верховного суда БССР и передачи дела Михейчика на новое кассационное рассмотрение в тот же Верховный суд.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Михейчик признан виновным в том, что, работая хирургом и временно заведующим родильным отделением Трабской больницы Юратишковского района, преступно-халатно относился к своим обязанностям, систематически пьянствовал и не наблюдал за больными. Когда в больницу 18 июля 1950 г. поступила роженица Завадская, то он до 23 июля необходимой помощи ей не оказывал, несмотря на то, что боль-

ная находилась в тяжелом состоянии, даже не вел истории болезни. Когда состояние здоровья Завадской резко ухудшилось, Михейчик в рабочем кабинете главного врача, на кушетке произвел Завадской хирургическую операцию «кесарево сечение», которое в данном случае являлось противопоказанным, и в результате чего больная 26 июля 1950 г. умерла.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР подлежит отмене по следующим основаниям:

Отменяя приговор и обращая дело на доследование, Верховный суд республики указал, что:

1) судом не выяснен круг служебных обязанностей Михейчика в Трабской больнице, так как к кассационной жалобе осужденного приобщена справка Юратишковского райздравотдела о том, что Михейчик не работал заведующим родильным отделением;

2) судом не опровергнуто утверждение Михейчика о том, что он по 21 июля 1951 г. на работе в больнице не был в связи со служебной командировкой, поэтому не мог при всех условиях отвечать за состояние здоровья Завадской до своего возвращения на работу;

3) судом не выяснено, какие конкретные меры должен был и мог принять осужденный в данных условиях;

4) не исследованы непосредственные причины возникновения перитонита у Завадской, причинная связь возникновения перитонита с действиями или упущениями Михейчика, не установлено, имел ли Михейчик возможность произвести операцию у Завадской другим способом, а не «кесаревым сечением» и имелось ли в больнице операционное помещение;

5) судом якобы нарушена ст. 273 УПК БССР. Так, определением суда от 15 июня 1951 г. по ходатайству Михейчика было решено вызвать и допросить свидетеля Сегаль, но затем дело было рассмотрено без вызова этого свидетеля.

Указанные мотивы отмены приговора не могут быть признаны обоснованными.

Из материалов дела не видно, чтобы обвиняемым Михейчиком при подаче кассационной жалобы была представлена справка о том, что он никогда не был заведующим родильным отделением в Трабской больнице.

В суде Михейчик сам показал, что как хирург, по долгу службы, за неимением акушера-гинеколога в больнице хирургические операции роженицам должен был делать сам, тем более, что он, Михейчик, обладал достаточным практическим опытом. Михейчик также показал, что в больнице нет родильного отделения, но есть родильная палата. От наименования «родильное отделение» или «родильная палата» в данном случае не зависела правильность установления причинной связи между действиями и упущениями Михейчика и смертью Завадской.

Несостоятельной является ссылка в определении Верховного суда БССР, что приговором не опровергнуто утверждение Михейчика о том, что он по 21 июля 1950 г. на работе в больнице не был и поэтому не мог при всех условиях отвечать за состояние здоровья Завадской. В действительности же судом это обстоятельство достаточно полно исследовано. Приговором установлено, что по 20 июля Михейчик находился в командировке по служебным делам, однако ему вменялось в вину не оказание помощи Завадской в период времени с 21 по 23 июля 1950 г., несмотря на то, что о тяжелом состоянии Завадской ему было хорошо известно. Это видно из показаний в суде Завадского (мужа покойной) и других свидетелей. Этого не отрицал сам Михейчик, и на суде он показал, что знал о том, что 19 июля в больницу поступила больная Завадская; 21 июля он впервые осмотрел больную, у нее была повышенная температура. Более того, Михейчик в суде показал, что акушерка была в отпуску, по-

этому позаботиться об этой больной должен был он, Михейчик.

По поводу 3 и 4 пунктов определения Верховного суда следует указать, что в приговоре суда конкретно изложена виновность Михейчика и приговор обоснован показаниями свидетелей, актом судебно-медицинской экспертизы, актом исследования случая с Завадской и другими документами, а также заключением экспертов в судебном заседании. Материалами дела выводы экспертизы не опровергнуты.

Заключение по делу давала авторитетная комиссия судебно-медицинских экспертов, в которой участвовали главный судебно-медицинский эксперт Министерства здравоохранения БССР Прилуцкий, главный акушер-гинеколог республики Легенченко и судебно-медицинский эксперт Минского областного отдела здравоохранения Горельшев. Эта комиссия дала ответы на два основных вопроса, а именно: а) что в данном случае у роженицы Завадской были противопоказания к производству операции «кесарево сечение» (причина этому — длительный безводный период, повышенная температура и мертвый плод); б) что, не имея операционной или надлежащим образом подготовленной для этой цели комнаты, Михейчик не имел права производить операцию Завадской.

Кроме того, в акте этой экспертизы указано, что в истории болезни на роженицу Завадскую во время ее пребывания в больнице была заполнена только паспортная часть, другие данные оформлены коротко и небрежно, по памяти, после смерти больной, ход операции не записан, не указаны даты исследования и объективные данные состояния больной. Операция «кесарево сечение» производилась в кабинете главного врача на кушетке из-за ремонта операционной, ассистировал фельдшер Вайтеховский, мало к этому подготовленный.

Из заключения в суде судебно-медицинских экспертов Машкелей-

сон и Горельшева, против выводов которых подсудимый не возражал, также видно, что развитие перитонита и сепсиса у Завадской последовало вследствие производства противопоказанной операции, которая к тому же была произведена в антисанитарных условиях, и что Михейчик имел возможность произвести Завадской операцию по родоразрешению другим способом.

Также следует указать, что нарушения ст. 273 УПК БССР по делу судом не допущено.

Из заявленного Михейчиком ходатайства о вызове в суд свидетеля Сегаль видно, что Михейчик имел в виду задать свидетелю вопросы о том, как он, Михейчик, производил операции ранее, и желал узнать мнение свидетеля по поводу операции, произведенной Завадской.

Однако из материалов дела видно, что Сегаль не является очевидцем произведенной Михейчиком операции Завадской, а лишь участвовал в комиссии облздравотдела по поводу установления причин смерти Завадской, и в акте, подписанном Сегаль, указано о неправильных действиях Михейчика при производстве операции Завадской.

В деле имеется также характеристика прежней деятельности Михейчика как хирурга, поэтому вызов свидетеля Сегаль в суд не является необходимым. Суд обсудил вопрос о вызове свидетеля и обоснованно отклонил ходатайство Михейчика. Кроме того, защитник подсудимого в судебном заседании 22 июня 1951 г. также не возражал против слушания дела в отсутствие свидетеля Сегаль.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР в отношении Михейчика отменить и дело передать на новое кассационное рассмотрение в Верховный суд БССР в ином составе судей с соблюдением требований ст. 409 УПК БССР.

9. НЕОБОСНОВАННОЕ ОБВИНЕНИЕ В СОУЧАСТИИ В УБИЙСТВЕ

Дело Сурковой и других. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 19 апреля 1952 г.

[Извлечение]

По приговору народного суда 3-го участка г. Бухары Узбекской ССР Суркова в числе других была осуждена по ст. 14 и п. «а» ст. 186 УК Узбекской ССР (соучастие в умышленном убийстве).

Суркова признана виновной в том, что она, находясь в плохих отношениях с гр-кой Ильичевой и питая к ней ненависть, оказала помощь в убийстве Ильичевой Елисееву и Кондратьеву, осужденным по данному делу по п. «а» ст. 186 УК Узбекской ССР.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Материалами дела установлено, что в ночь с 17 на 18 августа 1950 г. Елисеев по подстрекательству и с помощью Кондратьева нанес гр-ке Ильичевой шесть ножевых ранений, в результате которых Ильичева умерла.

Незадолго до убийства Ильичева познакомилась с Елисеевым и Кондратьевым, последний стал за ней ухаживать, но Ильичева от ухаживаний Кондратьева уклонялась, имея намерение выйти замуж за другого.

На почве ревности и из мести за отклонение его ухаживаний Кондратьев после встречи и объяснения с Ильичевой 17 августа 1950 г. на танцевальной площадке передал Елисееву нож и предложил ему убить Ильичеву.

Вечером 17 августа 1950 г. на танцевальной площадке вместе с Кондратьевым и Елисеевым находилась Ильичева и Суркова, причем Кондратьев и Елисеев были в нетрезвом виде. По окончании танцев все четверо отправились к дому, где проживали Ильичева и Суркова.

Когда Кондратьев с Ильичевой подошли к калитке, Елисеев схватил Ильичеву за правую руку и на-

нес ей несколько ударов ножом в грудь, после чего убежал, а за ним убежали Кондратьев и Суркова.

Ильичева смогла только войти во двор своего дома и скончалась.

Судебно-медицинский эксперт при осмотре трупа Ильичевой установил в левом углу рта кровоподтеки и припухлость, поэтому дал заключение о том, что в момент нанесения Елисеевым Ильичевой ножевых ран кто-то другой закрывал ей рот, чтобы она не кричала.

Кроме того, было установлено, что у основания кисти левой руки Ильичевой была обнаружена царапина с засохшей кровью. По заключению эксперта, царапина могла произойти от ногтя руки, удерживавшей руку Ильичевой.

Основываясь на этих данных, суд признал, что Кондратьев и Суркова во время убийства Ильичевой держали ее за руки и закрывали ей рот.

Вывод суда в отношении Кондратьева находит подтверждение в показаниях Елисеева на предварительном следствии. Так, на допросе 28 сентября 1950 г. Елисеев показал, что он взял нож и стал наносить удары Ильичевой и что Кондратьев закрыл рот Ильичевой, чтобы она не кричала.

Такие же показания Елисеев дал и на очной ставке с Кондратьевым.

В отношении же Сурковой Елисеев показал, что как только он стал наносить Ильичевой удары, Суркова тут же убежала.

Таким образом, утверждение суда о том, что Суркова держала Ильичеву за руки и закрывала ей рот, материалами дела не подтверждено.

При таких обстоятельствах у суда не было оснований признавать Суркову соучастницей убийства Ильичевой.

**10. СУД, ИЗМЕНЯЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНУЮ ФОРМУЛИРОВКУ ОБВИНЕНИЯ,
ОБЯЗАН ОБЕСПЕЧИТЬ ПРАВО ПОДСУДИМОГО НА ЗАЩИТУ
ПРОТИВ ВНОВЬ ПРЕДЪЯВЛЯЕМОГО ЕМУ ОБВИНЕНИЯ**

*Дело Д. Определение Судебной коллегии по уголовным
делам Верховного суда СССР от 20 февраля 1952 г.*

По приговору Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР Д. осужден по ч. 1 ст. 58^{17в} УК Грузинской ССР.

Председатель Верховного суда СССР внес протест на отмену приговора и прекращение дела производством.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Д. признан виновным в том, что, являясь водителем автомашины, 2 октября 1949 г. нарушил трудовую дисциплину на транспорте. Нарушение выразилось в том, что он управлял автомашиной в нетрезвом состоянии и что в кабине у него сидело два человека.

Приговор подлежит отмене по следующим основаниям:

Д. был привлечен к уголовной ответственности и предан суду по ч. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование». Суд нашел недоказанным предъявленное Д. обвинение и вынес оправдательный приговор.

Однако суд тем же приговором признал Д. виновным по ч. 1 ст. 58^{17в} УК Грузинской ССР, тогда как обвинение по этой статье Д. следствием не предъявлялось.

В соответствии со ст. 313 УПК Грузинской ССР суд имеет право вынести приговор по новой формулировке обвинения, если это изменение не влечет за собой более тяжелой меры наказания.

В данном случае Д. хотя и осужден за более легкое преступление,

однако это преступление не имеет ничего общего с ранее предъявленным обвинением в покушении на изнасилование. В процессе предварительного расследования и в суде Д. не допрашивался по вопросам нарушения правил движения на автотранспорте.

Такое изменение обвинения затрагивает права обвиняемого на защиту, так как суд фактически в совещательной комнате изменил предъявленное Д. обвинение, о чем последний знать не мог, а поэтому не мог подготовиться и защищать себя от вновь выдвинутого против него обвинения.

В этом случае суд обязан был, в соответствии со ст. 313 УПК Грузинской ССР, вынести по делу об изнасиловании оправдательный приговор и одновременно частное определение о привлечении Д. к уголовной ответственности по ст. 58^{17в} УК Грузинской ССР.

В настоящее время после того, как со дня происшествия прошло около двух лет, нецелесообразно привлекать к уголовной ответственности Д. по ст. 58^{17в} УК Грузинской ССР, учитывая, что указанное выше нарушение правил движения никаких последствий за собой не повлекло.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР в отношении Д. отменить и дело производством прекратить.

11. ПРЕДОСТАВЛЕННОЕ СУДУ ПРАВО В СООТВЕТСТВИИ СО СТ. 449 УПК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР (СТ. 461 УПК РСФСР) РАЗРЕШАТЬ СОМНЕНИЯ И СПОРЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРИВЕДЕНИИ ПРИГОВОРА В ИСПОЛНЕНИЕ, НЕ СОЗДАЕТ В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ПРАВА СУДУ ПО СУЩЕСТВУ ИЗМЕНЯТЬ ПРИГОВОР

Дело Исаевой и других. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 26 марта 1952 г.

[Извлечение]

По приговору Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР в числе других осуждена Исаева по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором поставлен вопрос об отмене приговора суда и дополнительного определения того же суда в отношении Исаевой в части удовлетворения гражданского иска, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Исаева признана виновной в том, что она, работая заведующей складом и кассиром колхоза «Заря Востока», по договоренности с другими осужденными — счетоводом Аббасовым, бригадиром Байрамовым и Керимовым — путем составления фиктивных документов похитила 3540 кг зерна; кроме того, допустила недостачу продуктов и наличных денег на сумму 2642 руб. Всего же она нанесла ущерб колхозу на 10 643 р. 82 к. Однако суд тем же приговором определил ко взысканию с Исаевой в пользу колхоза «Заря Востока» в возмещение ущерба лишь 2915 руб.

После состоявшегося приговора суд в порядке ст. 449 УПК Азербайджанской ССР 3 января 1952 г.

рассмотрел это же дело и вынес дополнительное определение, в котором сумма удовлетворенного гражданского иска с осужденной Исаевой увеличена с 2915 руб. до 10 643 р. 82 к., мотивируя это технической ошибкой, допущенной при изложении приговора.

Суд в данном случае нарушил требование ст. 450 УПК Азербайджанской ССР: при рассмотрении дела никого из сторон на судебное заседание не пригласил и признал возможным увеличить сумму гражданского иска с осужденной Исаевой.

В соответствии со ст. 449 УПК Азербайджанской ССР суду предоставлено право рассматривать споры и сомнения, возникающие при приведении приговора в исполнение, однако это не дает ему основания по существу изменять приговор.

В силу изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР и дополнительное определение в отношении Исаевой в части взыскания гражданского иска отменить и дело в этой части передать на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

12. ОШИБОЧНЫЙ ВЫВОД СУДА О НЕВОЗМОЖНОСТИ РАССМОТРЕТЬ ДЕЛО В ОТНОШЕНИИ ОДНОГО ОБВИНЯЕМОГО В ОТСУТСТВИИ СКРЫВШЕГОСЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЕГО СООБЩНИКА

Дело Терехова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 26 марта 1952 г.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Ставропольского краевого суда от 28 августа

1951 г. дело по обвинению Терехова производством приостановлено, а в отношении привлеченного по этому

же делу Федорова, скрывшегося от суда, объявлен розыск.

На указанное определение краевого суда Председателем Верховного суда РСФСР был принесен протест, в котором ставился вопрос об отмене определения краевого суда и направлении дела на рассмотрение по существу. 28 декабря 1950 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР протест отклонила.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене определения краевого суда и определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР и направлении дела в отношении Терехова на рассмотрение по существу, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Федоров и Терехов привлечены к ответственности за то, что первый, работая заведующим складом, а второй — агентом Бурлацкой заготовительной конторы «Заготживсырье», в 1950 году совершали хищения государственных средств.

Так, Терехов, воспользовавшись имевшимися на складе у Федорова излишками шерсти, составил 23 фиктивные квитанции о приеме якобы от сдатчиков 770,6 кг шерсти и по этим квитанциям получил из кассы конторы 14 648 р. 31 к., из которых 5000 руб. передал Федорову.

Оставшуюся сумму Терехову и Федорову получить не удалось ввиду отсутствия средств в кассе конторы.

Кроме того, Федоров без участия Терехова составил также фиктивную квитанцию о приеме 71,1 кг шерсти и таким способом получил из кассы и присвоил 2479 р. 58 к.

Определение краевого суда от 28 августа 1951 г. и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 28 декабря 1951 г. подлежат отмене по следующим основаниям:

14 июля 1951 г. народный суд 1-го участка Буденновского района,

рассмотрев указанное дело, нашел, что Терехов должен нести ответственность по ст. 109 УК РСФСР, а не по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», как это ему вменялось обвинительным заключением, и приговорил Терехова к лишению свободы сроком на пять лет без поражения в правах. В отношении Федорова народный суд обвинение нашел недоказанным и оправдал его.

10 августа 1951 г. Ставропольский краевой суд, рассмотрев кассационный протест прокурора и кассационную жалобу Терехова, приговор суда отменил, а дело обратил на новое судебное рассмотрение, приняв его к своему производству по первой инстанции.

28 августа 1951 г. Ставропольский краевой суд в судебном заседании путем допроса гр-ки Висецкой (жены подсудимого Федорова) установил, что Федоров, получив копию определения краевого суда от 10 августа 1951 г., которым оправдательный приговор в отношении его был отменен, а также повестку с вызовом в суд в качестве подсудимого, от явки в суд уклонился и скрылся.

В связи с этим краевой суд вынес указанное выше определение о приостановлении дела по обвинению Терехова и объявлении розыска Федорова, мотивируя это тем, что в отсутствие Федорова дело по обвинению Терехова рассмотреть невозможно.

Данное утверждение краевого суда является неубедительным и опровергается следующими обстоятельствами:

Из материалов дела видно, что Федоров неоднократно допрашивался не только на предварительном следствии, но трижды и в судебных заседаниях, поэтому краевой суд имел полную возможность не только проверить собранные по делу материалы в отношении Терехова, но и дать им соответствующую оценку.

Указание в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР о том, что преступление Федорова тесно связано с преступлением Терехова, является обоснованным. Однако ставить вопрос о невозможности рассмотрения дела в отношении Терехова в отсутствие Федорова нельзя, поскольку последний, как видно из показаний его жены, умышленно скрылся от суда.

При таких обстоятельствах краевой суд на основании п. 2 ст. 265 УПК РСФСР имел основания рас-

смотреть вопрос и в отношении Федорова, предотвратив тем самым волю крими.

Соглашаясь с доводами протеста, Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Определение Ставропольского краевого суда от 28 августа 1951 г. и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 28 декабря 1951 г. в отношении Терехова и Федорова отменить, а дело вернуть в тот же суд для рассмотрения его по существу.

13. ПРИ ОТМЕНЕ В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА ОПРЕДЕЛЕНИЯ, КОТОРЫМ ПРИГОВОР СУДА ПО КАССАЦИОННОЙ ЖАЛОБЕ ОСУЖДЕННОГО БЫЛ ОТМЕНЕН, ДЕЛО ДОЛЖНО БЫТЬ НАПРАВЛЕНО НА НОВОЕ КАССАЦИОННОЕ РАССМОТРЕНИЕ

Дело Ш. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 19 марта 1952 г.

Приговором народного суда Норашенского района Нахичеванской АССР Ш. осужден по ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование».

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Нахичеванской АССР по кассационной жалобе осужденного приговор отменен с направлением дела на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР по протесту прокурора республики определение Верховного суда Нахичеванской АССР отменено и приговор народного суда оставлен в силе.

Протест Председателем Верховного суда СССР внесен на предмет отмены определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР и оставления в силе определения Верховного суда Нахичеванской АССР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Ш. признан виновным в том, что 31 декабря 1950 г., будучи в нетрезвом состоянии, на собственной автомашине «Москвич» с двумя неустановленными лицами приехал в селение Тазакенд, где посадил в автомашину А. и повез ее по направлению к селению Пусян, возле которого высадил находившихся в автомашине неизвестных лиц, а гр-ку А. отвез на более дальнее расстояние и, воспользовавшись ее беспомощным состоянием, изнасиловал ее.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР подлежит отмене по следующим основаниям:

Ш. на предварительном следствии и в суде виновным себя в изнасиловании А. не признал и объяснил, что 31 декабря 1950 г. в его автомашину сели А. и ее дядя И., которые в селении Пусян сошли с автомашины. В последнем слове Ш. признался, что имел половое сношение с А., но отрицал изнасилование.

Суд, признав доказанным виновность Ш. в изнасиловании А., в своем приговоре не привел доказательств, которые были положены в основу обвинительного приговора.

В судебном заседании потерпевшая А. дала показания, прямо противоположные показаниям, данным ею на предварительном следствии.

На предварительном следствии А. утверждала, что к ее дому Ш. подъехал на автомашине с двумя неизвестными военными, причем в заявлении, поданном на имя прокурора, было указано, что подъехали две автомашины. Также на предварительном следствии А. показала, что в автомашину она была посажена с применением силы, против ее воли. На судебном же заседании А., подтверждая частично объяснение Ш., показала, что Ш. на автомашине к дому подъехал вместе с ее дядей И., она села в автомашину и все поехали к селению Пусян. В селении Пусян И. сошел с автомашины, а она поехала с Ш. дальше, в селение Хок, и там с Ш. имела половое сношение, после чего Ш. привез ее в дом к И.

Несмотря на то, что в этих показаниях А. не ссылалась на каких-то неизвестных военных и не заявляла, что половое сношение с Ш. имело место против ее воли и желания, суд этих противоречий в судебном заседании не устранил, не выяснил у А. причин изменения показаний, не допросил в суде свидетеля И.

Кроме того, ни материалами предварительного следствия, ни в судебном заседании не выяснено, имело ли место изнасилование или добровольное половое сношение. Из имеющегося в деле акта судебно-медицинского освидетельствования А. видно, что на теле А. никаких следов насилия не обнаружено, кроме того, о нарушении девственной плевы дано предположительное заключение, а не категорическое.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Нахичеванской АССР, учитывая, что ряд существенных обстоятельств по делу не выяснен, а также то, что А. в своих последующих жалобах отрицала факт совершенного над нею на-

силия, обоснованно отменила приговор народного суда.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР, по протесту прокурора Азербайджанской ССР, неосновательно отменила определение Верховного суда Нахичеванской АССР, считая, что по делу все обстоятельства с достаточной полнотой выяснены. Кроме того, вместо направления дела на новое кассационное рассмотрение в Верховный суд Нахичеванской АССР Коллегия приговор народного суда оставила в силе, чем нарушила право осужденного на кассационное обжалование приговора.

А. в жалобе, поданной в Верховный суд СССР, в подтверждение своих утверждений, что по отношению к ней насилия со стороны Ш. не имело места, приложила заключение республиканской судебно-медицинской экспертной комиссии, которое опровергает имеющееся в деле заключение. Учитывая это, дело в отношении Ш. подлежит направлению на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Органам предварительного следствия надлежит устранить противоречия в имеющихся судебно-медицинских заключениях. Путем допроса А. выяснить причины изменения ею показаний, а также путем допроса И. и иных свидетелей, указанных в определении Верховного суда Нахичеванской АССР, установить, совершено ли Ш. преступление.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР в отношении Ш. отменить.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Нахичеванской АССР в отношении Ш. изменить, дело в отношении Ш. направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. В остальной части данное определение оставить без изменения.

14. ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛЕЧЕНИЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ МЕРОЙ НАКАЗАНИЯ

Дело Барнабишвили. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 20 февраля 1952 г.

По приговору народного суда 1-го участка района им. Молотова г. Тбилиси Барнабишвили осужден по ч. 2 ст. 75 УК Грузинской ССР к 1 году и 6 месяцам лишения свободы.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР приговор изменен, назначенная судом мера наказания заменена принудительным лечением в условиях психиатрической больницы на тот же срок.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора и определении и направлении дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Барнабишвили признан виновным в том, что он неоднократно в Тбилисском универмаге учинял дебош, оскорблял словесно и физически граждан и сотрудников универмага, бросался с ножом на сотрудников, пугал их детской игрушкой «Пугач» и своими действиями дезорганизовывал работу магазина.

Приговор и определение подлежат отмене по следующим основаниям:

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР, рассматривая дело по кассационной жалобе осужденного, пришла к выводу, что Барнабишвили невменяем и, как указано в определении, «по этой причине жалоба Барнабишвили в той части, где ставится вопрос о смягчении меры наказания, подлежит удовлетворению», в связи с чем Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР назначенную судом меру наказания в 1 год 6 месяцев лишения свободы заменила на тот же срок принудительным лечением в психиатрической лечебнице.

Таким образом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР считает, что

принудительное лечение в психиатрической больнице является одним из видов наказания. Такое утверждение нельзя признать правильным.

Принудительное лечение является не мерой наказания, а мерой медицинского характера, применяемой судом в случаях, когда больной представляет опасность для общества. Невменяемость исключает вину, а к лицам невиновным мера наказания не может быть применена.

В заключении судебно-психиатрической экспертизы указывается, что Барнабишвили «в настоящее время признаков душевного заболевания не обнаруживает, вменяем — ответственен».

Судебная коллегия, не согласившись с экспертизой, свое несогласие не мотивировала, как этого требует ст. 298 УПК Грузинской ССР.

По этому поводу в определении указывается только следующее: «материалами дела установлено, что Барнабишвили душевнобольной и часто впадал в возбужденное состояние, при котором совершал хулиганские действия».

Как видно из материалов дела, а также из заключения судебно-психиатрической экспертизы, Барнабишвили страдает маниакально-депрессивным психозом «циклофренией» и был неоднократно на стационарном лечении и испытании в Тбилисском научно-исследовательском институте психиатрии им. Асатиани.

Характер совершенного Барнабишвили преступления и состояние его здоровья дают основание полагать, что он преступление совершил, находясь в невменяемом состоянии.

Ни следственными органами, ни судом перед судебно-психиатрической экспертизой не был поставлен вопрос о вменяемости Барнабишвили в момент совершения им правонарушения, что является основным для разрешения вопроса о призна-

нии Барнабишвили виновным в совершенном им деянии.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор народного суда 1-го участка района им. Молотова г. Тби-

лиси и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР в отношении Барнабишвили отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

15. НЕОБОСНОВАННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ СТ. 53 УК РСФСР

Дело Смолыгина. Определение Железнодорожной коллегии от 8 марта 1952 г.

По приговору линейного суда Восточно-Сибирской ж. д. Смолыгин осужден по ч. 2 ст. 74 и ч. 2 ст. 143 УК РСФСР по совокупности совершенных преступлений к трем годам лишения свободы условно, с испытательным сроком в течение трех лет.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР установила:

Смолыгин признан виновным в том, что он вместе с Коневым, осужденным по данному делу, 7 декабря 1951 г., следуя в пригородном поезде от ст. Китой до ст. Иркутск-II Восточно-Сибирской ж. д., на перегоне Мегет — Батарейная учинил в вагоне хулиганские действия: он вместе с Коневым выражался нецензурными словами, требовал от пассажира Яновского встать и садиться, избил пассажира Тарабыкина, ударил проводника вагона Хорошавину. В связи с тем, что Смолыгин и Конев не прекращали хулиганских действий в поезде, поездная бригада была вынуждена дважды останавливать поезд стоп-краном.

Смолыгин в судебном заседании виновным себя признал.

Председатель Верховного суда СССР в протесте ставит вопрос о необоснованности применения в отношении Смолыгина ст. 53 УК

РСФСР и просит об отмене приговора.

Применение в отношении Смолыгина условного осуждения линейный суд мотивировал лишь тем, что Смолыгин в прошлом не судим. Первая судимость в соответствии с п. «в» ст. 48 УК РСФСР признается смягчающим обстоятельством при определении меры наказания, но одно только это смягчающее обстоятельство не дает оснований к применению ст. 53 УК РСФСР.

Статья 53 УК РСФСР может быть применена лишь тогда, когда суд признает, что степень общественной опасности осужденного не требует обязательной его изоляции от общества.

Применив в отношении осужденного ст. 53 УК РСФСР, суду надлежало в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР № 19/9/У от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре» указать мотивы применения условного осуждения.

В силу изложенного, соглашаясь с протестом, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор линейного суда Восточно-Сибирской ж. д. в отношении Смолыгина отменить и дело о нем направить на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе со стадии судебного разбирательства.

**16. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ОТМЕНЕНО
ЗА НАРУШЕНИЕМ ПРАВА ОСУЖДЕННОГО НА ЗАЩИТУ,
ГАРАНТИРОВАННОГО СТ. 111 КОНСТИТУЦИИ СССР**

*Дело Циклаури. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного суда СССР от
20 февраля 1952 г.*

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР оставлен в силе приговор народного суда Адыгенского района в отношении Циклаури, осужденного по ч. 2 ст. 75 УК Грузинской ССР.

Протест Председателем Верховного суда СССР внесен на отмену определения Верховного суда Грузинской ССР и направление дела на новое кассационное рассмотрение за нарушение права осужденного на защиту.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Циклаури признан виновным в том, что 6 августа 1951 г. в ресторане «Роща» в Абас-Тумани в 11 часов вечера совершил хулиганские действия, выразившиеся в учинении дебоша в ресторане и нанесении оскорбления гражданину Нижарадзе.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР в отношении Циклаури подлежит отмене по следующим основаниям:

Дело Циклаури было назначено к слушанию в кассационном порядке в Верховном суде Грузинской ССР на 4 сентября 1951 г. Однако в назначенный день дело заслушано не было.

Как видно из копии графика назначения дел к слушанию, дело Циклаури было вновь назначено на 27 сентября 1951 г., о чем было объявлено защитнику осужденного.

Между тем это дело было рассмотрено Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР 20 сентября 1951 г. в отсутствие сторон, чем были нарушены права осужденного на защиту.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР в отношении Циклаури отменить и дело направить в Верховный суд Грузинской ССР на новое кассационное рассмотрение в ином составе судей.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. ОРГАНИЗАЦИЯ, ИСПОЛЬЗОВАВШАЯ ПРОИЗВЕДЕНИЕ С СОГЛАСИЯ ИЛИ БЕЗ СОГЛАСИЯ АВТОРА, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОСВОБОЖДЕНА ОТ УПЛАТЫ АВТОРСКОГО ГОНОРАРА, КРОМЕ СЛУЧАЕВ, СПЕЦИАЛЬНО ОГОВОРЕННЫХ В ЗАКОНЕ

*Определение по делу № 03/35. Иск Молдавского
республиканского отделения Всесоюзного управления
охраны авторских прав к Молдавской государственной
филармонии*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 27 февраля 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Молдавской ССР от 10 апреля 1950 г. по иску Молдавского отделения Управления по охране авторских прав к Молдавской государственной филармонии о взыскании авторского гонорара.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Молдавское республиканское отделение Всесоюзного управления по охране авторских прав обратилось в суд с иском к Молдавской государственной филармонии о взыскании авторского гонорара в пользу Стрельцова. Свои требования истец мотивировал тем, что Молдавская государственная филармония по договору с композитором Гершфельдом включила в репертуар капеллы «Дойна» песню «Эх ты, Родина, краса», текст которой написан Стрельцовым, но не был издан.

Народный суд 1-го участка Красноармейского района г. Кишинева 25 марта 1950 г. вынес решение об удовлетворении иска.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Молдавской ССР определением от 10 апреля 1950 г. это решение отменила и в иске отказала, сославшись на то, что поскольку Стрельцов договора с Филармонией об уступке ей текста песни не заключал, то и права на получение вознаграждения не имеет.

Председатель Верховного суда СССР в протесте ставит вопрос об отмене определения Верховного суда Молдавской ССР и оставлении в силе решения народного суда от 25 марта 1950 г.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Согласно «Основам авторского права», введенным в действие постановлением ЦИК и СНК СССР 16 мая 1928 г.¹, авторское право распространяется на всякое произведение литературы, науки и искусства, каковые бы ни были способы и формы его воспроизведения, а равно его достоинство и назначение (ст. 4 «Основ авторского права»).

Автор имеет исключительное право под своим именем или под условным именем, а также без обозначения

¹ СЗ СССР 1928 г. № 27, ст. 246.

ния имени выпустить в свет свое произведение и в течение установленного в законе срока всеми дозволенными законом способами воспроизводить и распространять его, а равно извлекать всеми законными способами имущественные выгоды из своего исключительного права. Имущественные выгоды заключаются в том вознаграждении (гонораре), которое уплачивается автору за использование его произведения.

Передача произведения для использования его оформляется договором, однако и при отсутствии договора организация, использовавшая произведение с согласия или без согласия автора, не может быть освобождена от уплаты авторского гонорара, кроме тех случаев, когда использование произведения в силу ст. 9 «Основ авторского права» не считается нарушением авторского

права (перевод чужого произведения на другой язык и др.).

По настоящему же делу установлено, что Молдавской государственной филармонией использован текст не изданной Стрельцовым песни; следовательно, народный суд правильно обязал Филармонию оплатить Стрельцову гонорар в размере, установленном для произведения данного жанра.

На основании изложенного и соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение Верховного суда Молдавской ССР от 10 апреля 1950 г., оставив в силе решение народного суда 1-го участка Красноармейского района г. Кишинева от 25 марта 1950 г., которым иск удовлетворен.

2. БЕСХОЗЯЙНЫМ ИМУЩЕСТВОМ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИЗНАНО ЛИШЬ ТАКОЕ ИМУЩЕСТВО, КОТОРОЕ НЕ ИМЕЕТ СОБСТВЕННИКА ИЛИ ВЛАДЕЛЕЦ КОТОРОГО НЕИЗВЕСТЕН

Определение № 03/77. Иск Акопяна А. А. к Акопяну Г. и Симоняну В. о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 31 января 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 2-го участка Молотовского района г. Еревана от 21 марта 1950 г. и определение Судебной коллегии Верховного суда Армянской ССР от 5 апреля 1950 г. по иску Акопяна А. А. к городскому Совету депутатов трудящихся г. Еревана и к Акопяну Г. и Симоняну В. о выселении.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Дом № 2 по улице Марата, состоящий из одной комнаты, принадлежал Акопяну А. А. на праве личной собственности. В этом доме проживали истец Акопян и члены его семьи — жена, дочь и сын, который находится в рядах Советской Армии.

В 1947 году Акопян временно выехал из г. Еревана в Белоруссию, где служит его сын. В период нахождения истца у сына жилищным управлением была предоставлена его дочери жилища площадь в доме местного Совета, которую последняя и заняла вместе с матерью. Дом же истца Акопяна как бесхозный исполкомом районного Совета депутатов трудящихся был передан в муниципальный фонд и заселен по ордеру районного жилищного управления ответчиками.

Акопян, считая, что признанием его дома бесхозным районный Совет депутатов трудящихся нарушил его право на дом, обратился в суд с иском к городскому Совету об изъятии дома и о выселении ответчиков.

Народный суд 2-го участка Молотовского района г. Еревана решением от 21 марта 1950 г. в иске

Акопяну отказал, сославшись на то, что жилая площадь в доме местного Совета предоставлена дочери истца для всей семьи Акопян, а дом его принят на баланс городского Совета, и потому истец Акопян собственником этого дома не является.

Верховный суд Армянской ССР определением от 5 апреля 1950 г. решение народного суда оставил в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Армянской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Доводы суда о том, что спорный дом истцу — Акопяну — не принадлежит и что он не имеет права требовать возврата этого дома, так как его семье и ему предоставлена местным Советом другая жилая площадь, нельзя признать обоснованными.

Из имеющихся в деле материалов видно, что спорный дом по улице Марата принадлежал Акопяну А. на праве личной собственности, в связи с чем последний и нес расходы по оплате налога со строения и земельной ренты.

Право Акопяна на этот дом ранее никем не оспаривалось.

Признание исполкомом районного Совета депутатов трудящихся спорного дома бесхозяйным не основано

на законе, так как бесхозяйным считается такое имущество, владелец которого неизвестен или которое не имеет собственника. Исполкому же было известно о том, что Акопян выехал к сыну временно, а его жена и дочь жили в этом доме до 1949 года.

Нельзя признать правильной ссылку суда и на то, что истцу и его семье предоставлена другая жилая площадь.

Из имеющихся в деле данных и объяснений дочери истца Елены Акопян видно, что новая жилая площадь, состоящая из одной комнаты и кухни, предоставлена ей как больной туберкулезом и педагогу, но не в обмен на дом Акопяна.

Эти существенные объяснения Елены Акопян судом не проверены.

Независимо от того, что дочери истца предоставлена жилая площадь в доме местного Совета, истец в силу ст. 59 ГК Армянской ССР вправе отыскивать свое имущество из чужого незаконного владения, вправе также требовать выселения ответчиков из дома, поскольку он, как усматривается из дела, другой жилой площади не имеет.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда и определение Верховного суда Армянской ССР и дело направить на новое рассмотрение в тот же народный суд.

3. ВСЯКОГО РОДА СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ УЧРЕЖДЕНИЯМИ, ПРЕДПРИЯТИЯМИ И ОРГАНИЗАЦИЯМИ И ОТДЕЛЬНЫМИ ЛИЦАМИ О ВЫПОЛНЕНИИ ПОСЛЕДНИМИ РАБОТ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ПРОЕКТОВ И СМЕТ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ЯВЛЯЮТСЯ НЕЗАКОННЫМИ И ДОЛЖНЫ ПРИЗНАВАТЬСЯ СУДАМИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ ПО СТ. 30 ГК РСФСР И СООТВЕТСТВУЮЩИМ СТАТЬЯМ ГРАЖДАНСКИХ КОДЕКСОВ ДРУГИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК (постановление Пленума Верховного суда СССР от 26 августа 1949 г.).

Определение по делу № 03/98. Иск прокурора, предъявленный в порядке ст. 2 ГПК, о взыскании с Моисеева в доход государства 2735 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 6 февраля 1952 г. протест заместителя Генерального Прокурора СССР на реше-

ние народного суда 1-го участка Привокзального района г. Тулы, определение Тульского областного суда и на определение Верховного суда РСФСР по иску прокурора

Центрального района г. Тулы, предъявленному в порядке ст. 2 ГК РСФСР, к Моисееву о взыскании 2735 руб. в доход государства. Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Бабури́нская лесозащитная станция заключила договор с Тульской областной строительной-монтажной конторой «Тулводстрой» на выполнение проектно-изыскательских и сметных работ. Контора «Тулводстрой» часть работы по проектированию поручила постороннему для этой организации лицу — инженеру Моисееву, которому было выплачено за выполнение этой работы 2735 руб.

Прокурор Центрального района г. Тулы в порядке ст. 2 ГК РСФСР предъявил в суде иск о признании недействительным соглашения на выполнение указанных выше работ, заключенного между конторой «Тулводстрой» и Моисеевым, и о взыскании полученных Моисеевым от конторы «Тулводстрой» сумм в доход государства, поскольку постановлением СНК СССР от 10 мая 1939 г.¹ запрещено сдавать отдельным лицам составление проектов и смет по всем видам капитального строительства, кроме случаев сдачи таких работ в порядке конкурса или непосредственно изобретателям.

Народный суд 1-го участка Привокзального района г. Тулы исковые требования прокурора удовлетворил.

Тульский областной суд решение народного суда оставил в силе.

Верховный суд РСФСР признал решение и определение правильными, а протест об отмене состоявшихся по делу решения и определения 12 декабря 1951 г. отклонил.

В протесте, принесенном в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, ставится вопрос о передаче дела на новое рассмотрение по мотиву, что постановление СНК СССР от 10 мая 1939 г. запрещает сдавать отдель-

ным лицам составление проектов и смет по всем видам капитального строительства, но что в данном случае проектно-изыскательские и сметные работы по договору с заказчиком — Бабури́нской лесозащитной станцией — производил «Тулводстрой», который вправе производить эти работы и якобы не лишен права сдавать отдельные работы для выполнения тому или другому лицу, а поэтому Моисеев вправе требовать вознаграждение за свою работу, исполненную по наряду «Тулводстроя».

С этими доводами протеста согласиться нельзя.

Как указано выше, постановлением СНК СССР от 10 мая 1939 г. запрещено сдавать отдельным лицам работы по составлению проектов и смет по всем видам капитального строительства, осуществляемого учреждениями, предприятиями и организациями. Исключения из этого правила допускаются только при сдаче работ в порядке конкурса или непосредственно изобретателям.

В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 26 августа 1949 г. «О разрешении судами дел по искам о взыскании отдельными лицами вознаграждения за составление проектов и смет по капитальному строительству» указано, что всякого рода соглашения (договоры, наряды и т. п.) между учреждениями, предприятиями и организациями и отдельными лицами о выполнении последними работ по составлению указанных проектов и смет являются незаконными и должны признаваться судами недействительными по ст. 30 ГК РСФСР и соответствующим статьям гражданских кодексов других союзных республик.

То обстоятельство, что выполнение работ по составлению проектов и смет производилось по договору, заключенному Моисеевым не непосредственно с заказчиком, а по соглашению с конторой «Тулводстрой», никакого значения при разрешении дела не имеет. Ни в постановлении СНК СССР от 10 мая

¹ СП СССР 1939 г. № 31, ст. 210.

1939 г., ни в постановлении Пленума Верховного суда СССР, названном выше, исключений для каких-либо организаций не предусмотрено, и, следовательно, с какой именно организацией отдельное лицо вступило в соглашение о выполнении

проектно-сметных работ по капитальному строительству, не может иметь значения.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила: протест отклонить.

4. В ТЕЧЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ АРЕНДНОГО ДОГОВОРА ЗАКОНОМ ЗАПРЕЩЕНО ОДНОСТОРОННЕЕ РАСТОРЖЕНИЕ ЕГО И ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА

Определение по делу № 03/103. Иск Маслика к Яровенко о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 13 февраля 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Узбекской ССР от 23 марта 1950 г. по иску Маслика к Яровенко и районному жилищному управлению о выселении.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Маслик с 1930 года занимает площадь, состоящую из одной жилой комнаты и смежной с ней проходной — кухни.

В 1946 году гр-н Маслик выехал на Украину для устройства внуков, оставшихся после смерти дочери. В квартире осталась его вторая дочь, проживавшая с ним совместно.

В период отсутствия Маслика в занимаемую им кухню по ордеру районного жилищного управления была вселена Яровенко с двумя членами семьи. В связи с этим обстоятельством Маслик обратился в народный суд с иском к Яровенко о выселении и к районному жилищному управлению о признании ордера недействительным.

Народный суд 2-го участка Баги-Шамальского района г. Самарканда решением от 14 мая 1949 г. выселил Яровенко со всеми совместно проживающими с ней лицами из занимаемого помещения и обязал районное жилищное управление предоставить ей для проживания другую жилую площадь.

Самаркандский областной суд определением от 6 июня 1949 г. решение народного суда оставил в силе.

По протесту Председателя Верховного суда Узбекской ССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Узбекской ССР определением от 23 марта 1950 г. отменила решение народного суда и определение областного суда и в иске Маслику о выселении Яровенко отказала.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Верховного суда Узбекской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Согласно ст. 27 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» запрещено в течение действия арендного договора одностороннее расторжение его и изменение условий договора. Изъятие излишка жилой площади в виде изолированной комнаты возможно у съемщика лишь в случае, указанном в ст. 27 названного закона. Маслик, как указано выше, излишка площади в виде изолированной комнаты не имеет. Кроме того, кухня является местом общего пользования и в соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. может быть использована только в соответствии со своим назначением, а не как жилое помещение.

Изъятие у Маслика кухни, являющейся к тому же проходным помещением, произведено с нарушением закона от 17 октября 1937 г. и постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г.

При таких обстоятельствах народный суд правильно восстановил право истца на занимаемое им помещение.

Помимо этого, из материалов дела видно, что Яровенко систематически создает условия, невозможные для совместного проживания с ней, запирая квартиру своим зам-

ком и лишая Маслика возможности проходить в свою комнату.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, принимая во внимание, что судом обстоятельства дела исследованы с достаточной полнотой, определила:

Определение Верховного суда Узбекской ССР от 23 марта 1950 г. отменить, а решение народного суда от 14 мая 1949 г. и определение областного суда от 6 июня 1949 г. о выселении Яровенко оставить в силе, отсрочив выселение до 15 мая 1952 г.

5. ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРА О ДЕТЯХ СУД ДОЛЖЕН ИСХОДИТЬ ПЕРЕД ВСЕМ ИЗ ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ, УЧИТЫВАЯ, ПРИ ЭТОМ И ИХ ЛИЧНУЮ ПРИВЯЗАННОСТЬ

Определение по делу № 03/265. Иск Козыревой А. А. к Козыревой А. С. о передаче на воспитание внучки

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 29 марта 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Молотовского областного суда от 3 октября 1951 г. и на решение народного суда 2-го участка Сталинского района г. Молотова от 29 октября 1951 г. по иску Козыревой А. А. к Козыревой А. С. о передаче на воспитание малолетней Козыревой Нелли.

Козырева А. А. обратилась в суд с иском к Козыревой А. С. о передаче ей на воспитание внучки Нелли Козыревой.

Требования о передаче ребенка на воспитание истце были заявлены в связи со следующими обстоятельствами:

Сын истицы, Козырев А. В., состоял в браке с Козыревой М. В., и от этого брака в 1940 году родилась дочь Нелли.

В 1950 году Козырева М. В. умерла, ввиду чего в воспитании девочки Нелли, после смерти ее матери, стала принимать участие бабушка девочки — истица Козырева, приехавшая на жительство к сыну.

В ноябре 1950 года сын истицы, Козырев А. В., вступил в брак с Козыревой А. С. (добрачная фамилия Докшина), которая стала проживать в семье Козырева. В марте 1951 года Козырев скоропостижно умер.

После смерти отца Козырева Нелли осталась с мачехой, Козыревой А. С., и с бабушкой, Козыревой А. А., однако вскоре Козырева А. С. выехала на другую квартиру, вместе с ней переехала и девочка Нелли, а истица осталась проживать в прежней квартире.

Обращаясь в суд с иском о передаче на воспитание внучки, Козырева А. А. указывала, что она является опекуном последней и что ответчица насильно удерживает у себя девочку Нелли и фактически лишила ее, Козыреву А. А., возможности выполнять обязанности опекуна.

Рассмотрев это дело, народный суд 1-го участка Сталинского района г. Молотова решением от 14 сентября 1951 г. в удовлетворении иска Козыревой А. А. о передаче ей на воспитание ребенка отказал, но это решение 3 октября 1951 г. было отменено Молотовским областным су-

дом, и дело передано на новое рассмотрение.

Последующим решением от 29 октября 1951 г. народный суд 2-го участка Сталинского района г. Молотова иск Козыревой А. А. удовлетворил, обязав Козыреву А. С. передать Нелли Козыреву на воспитание истице.

Это решение в кассационном порядке обжаловано не было и вступило в законную силу, но в исполнение не приведено.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, считает решение народного суда об удовлетворении иска Козыревой А. А. о передаче ей на воспитание ребенка неправильным по мотивам, изложенным в протесте, а именно:

Суд удовлетворил иск Козыревой А. А. о передаче ей на воспитание Козыревой Нелли, руководствуясь теми соображениями, что истица является родной бабушкой и опекуном девочки и при помощи школы, района и общественных организаций сможет обеспечить надлежащее воспитание внучки. Что же касается ответчицы, то суд указал, что она — посторонний человек, удерживает девочку при себе из материальных интересов и совершенно неправильно воспитывает девочку, прививая ей враждебные чувства к бабушке и к близким знакомым родителей.

Указанные доводы, положенные судом в основу решения, нельзя признать правильными.

Суд совершенно необоснованно считает Козыреву А. С. посторонним для девочки человеком. Поскольку Козырева А. С. состояла в зарегистрированном браке с отцом Козыревой Нелли, мать которой умерла, на Козыревой А. С., как на мачехе, в силу ст. 42¹ Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР лежит обязанность по содержанию падчерицы.

Из дела видно, что после смерти отца и выезда Козыревой А. С. в

другую квартиру девочка Нелли поселилась с мачехой, причем в деле нет никаких материалов, которые свидетельствовали бы о принуждении ее к этому, а, наоборот, как видно из показаний сторон, девочка сама захотела жить с мачехой. При опросе девочки судом она объяснила свое желание остаться с Козыревой А. С. большой к ней привязанностью, возникшей еще при жизни отца.

Также необоснованным является утверждение суда и в той части, что Козырева А. С. неправильно воспитывает девочку. Актом обследования условий жизни Козыревой Нелли отмечается, что Козырева А. С., педагог по специальности, очень внимательна к девочке и проявляет заботу о ее воспитании. Ссылка суда на то, что Козырева А. С. внушает девочке Нелли неприязненные и даже враждебные чувства к бабушке и к близким знакомым, основана на показаниях свидетелей, заявивших, что девочка перестала к ним ходить и стала груба и невежлива. Свидетели в своих показаниях не привели ни одного факта, который мог бы подтвердить, что поведение девочки объясняется неблагоприятным влиянием со стороны Козыревой А. С., тогда как Козырева Нелли объясняет свое нежелание общаться со знакомыми тем, что они уговаривают ее жить с бабушкой, а не с мачехой, которую она любит.

В деле также не имеется доказательств, которые свидетельствовали бы о том, что желание Козыревой А. С. воспитывать девочку Нелли продиктовано материальной заинтересованностью, а потому ссылка суда на это обстоятельство не может быть признана обоснованной.

При указанных выше условиях и учитывая, что 12-летняя Козырева Нелли, желание которой должно быть учтено при разрешении настоящего спора, категорически отказывается жить с бабушкой, народный суд при разрешении дела в первый раз правильно вынес решение об от-

казе в иске Козыревой А. А. и у областного суда не было оснований к отмене этого решения.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Определение Молотовского областного суда от 3 октября 1951 г.

6. ЗАЯВЛЕНИЕ О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА МОЖЕТ БЫТЬ ПОДАНО НЕПОСРЕДСТВЕННО В ОБЛАСТНОЙ, КРАЕВОЙ, ОКРУЖНОЙ, ГОРОДСКОЙ ИЛИ ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗНОЙ ИЛИ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА В НАРОДНОМ СУДЕ В СЛУЧАЕ ОСУЖДЕНИЯ СУПРУГА-ОТВЕТЧИКА К ДЛИТЕЛЬНОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ (НА СРОК НЕ МЕНЕЕ ТРЕХ ЛЕТ)

Определение по делу № 03/282. Иск Веллемае Л. к Веллемае К. о расторжении брака

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 5 апреля 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Верховного суда Эстонской ССР от 8 октября 1951 г. по иску Веллемае Л. к Веллемае К. о расторжении брака.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Веллемае Л. в июле 1951 года предъявила в суде иск о расторжении брака с Веллемае К. Истица указала, что в браке с Веллемае К. она состоит с 1937 года, детей от брака нет и в связи с тем, что ответчик осужден к длительному сроку лишения свободы, она не желает более находиться с ним в браке.

Верховный суд Эстонской ССР 8 октября 1951 г. вынес решение об отказе Веллемае в иске.

Соглашаясь с протестом, Коллегия считает, что решение Верховного суда Эстонской ССР подлежит отмене по следующим основаниям:

Отказывая в иске о расторжении брака, Верховный суд Эстонской ССР в решении указал, что осуждение мужа истицы к лишению свободы не может рассматриваться как основание для расторжения брака.

С этими доводами нельзя согласиться, так как осуждение ответчика к лишению свободы нельзя не учитывать при разрешении дела о расторжении брака. Вместе с тем следует отметить, что в деле нет до-

и решение народного суда 2-го участка Сталинского района г. Молотова от 29 октября 1951 г. отменить, а решение народного суда 1-го участка Сталинского района г. Молотова от 14 сентября 1951 г. об отказе Козыревой А. А. в иске оставить в силе.

кументов, которые подтверждали бы, что ответчик осужден к лишению свободы.

При новом рассмотрении дела суду необходимо иметь в виду, что в соответствии с п. 16-а инструкции НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г. «О порядке рассмотрения судами дел о расторжении брака» заявление о разводе может быть подано непосредственно в областной, краевой, окружной, городской или Верховный суд союзной или автономной республики в том случае, если в установленном порядке удостоверено известное отсутствие, пропажа без вести на фронте, осуждение к длительному лишению свободы (на срок не менее трех лет) или хроническая душевная болезнь одного из супругов.

По делу о расторжении брака с лицом, осужденным к лишению свободы на срок не менее трех лет, истцом должна быть представлена выписка из приговора об осуждении.

При этом необходимо иметь в виду, что и в том случае, если ответчик осужден к лишению свободы, он должен быть обязательно уведомлен о рассмотрении дела о разводе.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Верховного суда Эстонской ССР от 8 октября 1951 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

7. ОСНОВНЫМ ДОКУМЕНТОМ ПО УЧЕТУ ВЫПОЛНЕНИЯ ПЛАНА ПЕРЕВОЗОК НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ ЯВЛЯЕТСЯ УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА, НО В ТЕХ СЛУЧАЯХ, КОГДА ТА ИЛИ ДРУГАЯ СТОРОНА ОСПАРИВАЕТ ДАННЫЕ УЧЕТНОЙ КАРТОЧКИ И ССЫЛАЕТСЯ НА ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОСВОБОЖДАЮЩИЕ ЕЕ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, СУД ДОЛЖЕН ЭТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПРОВЕРИТЬ И ПРИНЯТЬ ВО ВНИМАНИЕ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ДЕЛА

*Определение по делу № 031320. Иск Управления
Азербайджанской ж. д. к тресту «Запромстрой»
о взыскании 16 300 руб.*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 16 января 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда г. Сумгаита от 10 марта 1951 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Азербайджанской ССР от 16 апреля 1951 г. по иску Управления Азербайджанской ж. д. к тресту «Запромстрой» о взыскании 16 300 руб. за нарушение плана перевозок.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Управление Азербайджанской ж. д. обратилось в суд с иском к тресту «Запромстрой» о взыскании 16 300 руб. штрафа за невыполнение государственного плана перевозок в октябре 1950 года. В подтверждение своих исковых требований управление дороги представило выписку из государственного плана перевозок и учетную карточку по выполнению плана погрузки, в которой в качестве причины недогрузки указано непредставление отправителем пятидневных заявок.

При рассмотрении дела в суде ответчиком были представлены копии пятидневных заявок, поданных им железной дороге, и на основании этих данных народный суд пришел к выводу о необоснованности требований дороги и решением от 10 марта 1951 г. отказал в иске дороге.

Верховный суд Азербайджанской ССР определением от 16 апреля 1951 г. отменил решение народного суда и удовлетворил иск дороги, взыскав с треста «Запромстрой» в пользу Управления Азербайджан-

ской ж. д. 16 300 руб. и расходы по оплате государственной пошлины в сумме 978 руб. Как на основание к удовлетворению иска Верховный суд Азербайджанской ССР сослался на учетные карточки, подтверждающие факт невыполнения плана по вине отправителя.

Протест Председателя Верховного суда СССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Учетная карточка является основным документом по учету выполнения плана перевозок грузов на железнодорожном транспорте. Однако в тех случаях, когда та или иная сторона ссылается на обстоятельства, освобождающие ее от ответственности за недогруз или непредставление вагонов, в суд могут быть представлены, помимо учетной карточки, и другие доказательства, удостоверяющие наличие таких обстоятельств, и эти доказательства должны быть приняты судом во внимание при разрешении дела (п. 5 постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 января 1942 г. № 3/7).

По настоящему делу ответчик, оспаривая имеющиеся в учетной карточке указания о невыполнении плана ввиду непредставления пятидневных заявок, представил копии пятидневных заявок и ссылается на то, что заявки были железной дороге представлены своевременно и что учетная карточка, содержащая неправильные сведения, подписана от имени отправителя не уполномоченным на это лицом.

Суд должен был проверить представленные ответчиком доказательства и с учетом их разрешить это дело, руководствуясь при этом

ст. ст. 19, 62 и 63 Устава железных дорог СССР.

Между тем народный суд не только не проверил в достаточной мере обстоятельства этого дела, но в нарушение требований ст. ст. 69 и 98 ГПК Азербайджанской ССР рассмотрел дело в отсутствие представителя Управления Азербайджанской ж. д., не имея сведений о вручении истцу повестки о дне слушания дела.

При наличии указанных нарушений Верховный суд Азербайджанской ССР, отменяя решение народно-

го суда, должен был в силу ст. 246 ГПК Азербайджанской ССР передать дело на новое рассмотрение, а не выносить решения, противоположного по своему содержанию решению суда первой инстанции.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда и определение Верховного суда Азербайджанской ССР отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд.

8. ШТРАФ, УПЛАЧИВАЕМЫЙ ОТПРАВИТЕЛЕМ ЗА НАРУШЕНИЕ ПЛАНА ПЕРЕВОЗОК ГРУЗА ПО ЖЕЛЕЗНЫМ ДОРОГАМ, УМЕНЬШАЕТСЯ НА ОДНУ ТРЕТЬ, КОГДА ОТПРАВИТЕЛЬ ПРЕДУПРЕДИТ ДОРОГУ О НЕИСПОЛЬЗОВАНИИ ВАГОНОВ ЗА ДВОЕ СУТОК ДО ДНЯ ПОГРУЗКИ

Определение по делу № 03/37. Иск Управления Северной ж. д. к Исакоговской лесоперевалочной базе о взыскании 17 600 руб. штрафа

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 26 января 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Судебной коллегии по гражданским делам Архангельского областного суда от 14 июня 1951 г. и на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 18 июля 1951 г. по иску Управления Северной ж. д. к Исакоговской лесоперевалочной базе о взыскании 17 600 руб. штрафа за невыполнение плана перевозки грузов.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В мае 1951 года Управление Северной ж. д. предъявило в суде иск о взыскании с Исакоговской лесоперевалочной базы штрафа за невыполнение плана перевозок в октябре и ноябре 1950 года в сумме 17 600 руб.

Рассмотрев это дело, Архангельский областной суд решением от 14 июня 1951 г. иск Управления Северной ж. д. удовлетворил.

Верховный суд РСФСР 18 июля 1951 г. решение оставил в силе, а кассационную жалобу ответчика признал необоснованной.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия считает, что решение и определение по делу подлежат отмене по следующим основаниям:

В учетной карточке о выполнении плана погрузки за октябрь была сделана оговорка о том, что 4 октября 1950 г. с начальником станции Бакарица согласован вопрос об уменьшении количества вагонов, подаваемых под погрузку.

Однако ни Архангельский областной суд, ни Верховный суд РСФСР не обратили внимания на это обстоятельство, имеющее существенное значение для правильного разрешения дела.

Между тем из графика использования вагонов под погрузку, согласованного с начальником станции, видно, что ответчик предупредил дорогу о невозможности использования вагонов в том количестве, которое было предусмотрено планом.

В этом случае в соответствии с п. «в» ст. 63 Устава железных дорог СССР штраф, уплачиваемый отправителем, уменьшается на одну треть.

Из дела также видно, что между сторонами имеет место спор по расчетам за невыполнение плана перевозок в ноябре 1950 года. Учитывая

эти обстоятельства при новом рассмотрении дела суду следует обязать стороны произвести взаимную сверку расчетов.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Судебной коллегии по гражданским делам Архангельского

областного суда от 14 июня 1951 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 18 июля 1951 г. отменить.

Дело передать на новое рассмотрение в тот же областной суд в ином составе судей.

9. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТРАХОВАТЕЛЯ ПО СТ. 413 ГК НАСТУПАЕТ ПРИ НАЛИЧИИ МЕЖДУ СТОРОНАМИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И КОГДА ВРЕД ВОЗНИК В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРЕСТУПНОГО ДЕЙСТВИЯ ИЛИ БЕЗДЕЙСТВИЯ СТРАХОВАТЕЛЯ, ЕСЛИ ПРИ ЭТОМ СТРАХОВАТЕЛЬ НЕ ДОКАЖЕТ, ЧТО ОН НЕ МОГ ПРЕДОТВРАТИТЬ ВРЕДА (постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г.).

Определение по делу № 03/150. Иск Камнева к паровозному депо о возмещении вреда, причиненного увечьем

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 12 марта 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда Романовского района от 9 марта 1951 г. и определение Верховного суда Молдавской ССР от 7 мая 1951 г. по иску Камнева к паровозному депо ст. Бессарабская Кишиневской ж. д. о возмещении вреда, причиненного увечьем.

Гр-н Камнев предъявил в суде иск к паровозному депо ст. Бессарабская Кишиневской ж. д. о возмещении ущерба, причиненного увечьем.

Исковые требования Камнев обосновывал тем, что он, работая у ответчика с 1944 года машинистом углеподъемного крана, 5 ноября 1950 г. во время работы получил увечье — левая рука его попала в неогражденную цилиндрическую шестерню, в связи с чем он лишился трех пальцев. Вследствие несчастного случая по заключению врачебной комиссии он признан инвалидом труда второй группы и ему назначена пенсия в размере 345 руб. в месяц. Так как его средний заработок до увечья составлял 1176 руб. в месяц, истец просил суд обязать ответчика возместить ему причиненный ущерб.

Народный суд Романовского района Молдавской ССР решением от 9 марта 1951 г. отказал в иске Кам-

неву, сославшись на то, что увечье причинено истцу вследствие его грубой неосторожности, и поэтому его исковые требования необоснованы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Молдавской ССР определением от 7 мая 1951 г. решение народного суда оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определения Верховного суда Молдавской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Как усматривается из материалов дела, травма, причиненная машинисту углеподъемного крана Камневу, явилась результатом грубого нарушения со стороны администрации паровозного депо ст. Бессарабская § 19 (раздела «ограждения») «Правил устройства, освидетельствования и эксплуатации кранов, подъемных механизмов и вспомогательных при них приспособлений», утвержденных Министерством электростанций 3 октября 1949 г., согласно которому «все легко доступные и находящиеся в движении части кранов и подъемных механизмов, могущие быть причиной несчастного случая, как то: зубчатые и иные колеса, валы с выступающими болтами и шпонтами, соединительные муфты и тому подобные детали должны быть закрыты прочно укрепленными металличе-

скими съемными ограждениями соответствующей конструкции, допускающей удобное наблюдение и смазку». Эти правила администрации депо не выполнялись, ограждение зубчатой шестерни не было проинвентаризовано.

При наличии таких данных суд вынес решение об отказе в иске Камневу с нарушением ст. 413 ГК УССР и п. 18 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда». Ответственность страхователя по ст. 413 ГК наступает при наличии между сторонами трудовых отношений и когда вред возник в результате преступного действия или бездействия страхователя, если при этом страхователь не докажет, что он не мог предотвратить вреда.

Под преступным действием или бездействием страхователя понимается установленное компетентными органами несоблюдение страхователем или лицами, осуществляющими технический надзор за работами, действующих правил об охране труда, технике безопасности и иных постановлений, регулирующих применение труда, имевшее своим последствием несчастный случай с потерпевшим.

Из имеющихся в деле материалов видно, что истец Камнев в результате полученной им травмы потерял профессиональную трудоспособность на 100% и общую трудоспособность на 25%.

Согласно пп. 6 и 8 постановления Пленума Верховного суда СССР от

10 июня 1943 г. возмещение вреда, причиненного повреждением здоровья (увечье), производится в виде присуждения убытков, связанных с потерей потерпевшим заработка. Размер убытков в этих случаях определяется в соответствии со степенью (процентом) утраченной потерпевшим трудоспособности и средним заработком потерпевшего за 12 календарных месяцев, предшествовавших несчастному случаю. При полной утрате профессиональной трудоспособности и сохранении частично общей трудоспособности причитающееся потерпевшему возмещение должно быть уменьшено на сумму, которую мог бы зарабатывать неквалифицированный рабочий или служащий при соответствующем проценте общей трудоспособности.

При новом рассмотрении дела суду надлежит более тщательно проверить все обстоятельства по делу и вынести решение в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда».

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда Романовского района от 9 марта 1951 г. и определение Верховного суда Молдавской ССР от 7 мая 1951 г. и дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе судей с участием прокурора.

10. НЕОБОСНОВАННАЯ ОТМЕНА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПО ДЕЛУ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ИМУЩЕСТВА ИЗ ОПИСИ

Определение по делу № 03/63. Иск Ивановой об исключении из описи имущества

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 31 января 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 3 октября 1950 г. по иску Ивановой

об исключении из описи имущества и на последующие решения и определения по этому делу.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Иванова обратилась в суд с иском об исключении из описи половины дома, описанного в связи с осужде-

нием ее мужа Иванова по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» с конфискацией имущества и со взысканием в пользу Новозыбковского маслозавода 65 777 руб. в возмещение ущерба, причиненного хищением.

При разрешении дела народный суд 1-го участка г. Новозыбкова Брянской области установил, что описанный дом был построен осужденным в 1947—1948 гг., т. е. в период совершения Ивановым преступления и за счет средств, добытых преступным путем. В связи с этим народный суд в иске Ивановой об исключении из описи имущества половины дома отказал.

Определением Брянского областного суда это решение оставлено в силе.

По протесту Председателя Верховного суда РСФСР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 3 октября 1950 г. решение народного суда и определение областного суда отменила и дело направила на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении дела народный суд решением от 12 февраля 1951 г. в иске Ивановой вновь отказал. Это решение определением Брянского областного суда отменено, и дело направлено на новое рассмотрение. Впоследствии дело было принято к производству областного суда, но по существу не разрешено.

Председатель Верховного суда СССР в протесте ставит вопрос об отмене определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 3 октября 1950 г. и всех последующих решений и определений и оставлении в силе решения народного суда об отказе Ивановой в иске.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Как видно из имеющихся в деле материалов, в частности из копии

приговора по делу Иванова, описанный дом был возведен осужденным за счет полученной им в Коммунальном банке ссуды в размере 10 000 руб. и за счет средств, добытых преступным путем. Жена осужденного нигде не работала, никаких доходов не имела и ничем не доказала, что она вкладывала средства в постройку дома.

С учетом этих обстоятельств народный суд правильно отказал в иске Ивановой об исключении из описи половины дома.

Это решение народного суда отвечает требованиям постановления ЦИК и СНК СССР от 10 августа 1927 г. «О порядке возмещения ущерба от растрат, присвоений и хищений имущества государственных учреждений и предприятий, кооперативных, профессиональных и общественных организаций»¹, в силу которого в случаях приобретения имущества на средства, добытые преступным путем, и в случаях увеличения имущества за счет средств, добытых преступлением, взыскание ущерба, причиненного хищением, может быть обращено на все имущество осужденного, которым он владеет совместно с другими лицами, в том числе и на общее имущество супругов.

Таким образом, Верховный суд РСФСР не имел оснований к отмене решения народного суда, которым отказано Ивановой в иске об исключении из описи имущества.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 3 октября 1950 г. и все последующие решения и определения, оставив в силе решение народного суда 1-го участка г. Новозыбкова, которым в иске Ивановой об исключении из описи половины дома отказано.

¹ СЗ СССР 1927 г. № 51, ст. 507.

11. ПО ДЕЛУ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ИМУЩЕСТВА ИЗ ОПИСИ СУД ДОЛЖЕН ПРИВЛЕЧЬ К ДЕЛУ В КАЧЕСТВЕ СООТВЕТЧИКА ОРГАНИЗАЦИЮ, ПО ПРЕТЕНЗИИ КОТОРОЙ БЫЛО ОПИСАНО У ДОЛЖНИКА ИМУЩЕСТВО

*Определение по делу № 36/117. Иск Раткевич
об исключении имущества из описи*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 26 декабря 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 1-го участка Швенченского района Литовской ССР от 7 апреля 1949 г. и на определение Верховного суда Литовской ССР от 23 мая 1949 г. по иску Раткевич об исключении имущества из описи.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В марте 1949 года Раткевич предъявила в народном суде иск об исключении имущества из описи, указывая на то, что в опись имущества, произведенную в связи с осуждением ее мужа по ст. 109 УК РСФСР, были включены вещи, принадлежащие ей до вступления в брак, а также вещи, нажитые при совместной жизни с мужем.

Народный суд Швенченского района 7 апреля 1949 г. постановил иск удовлетворить частично, отказав в исключении из описи жилого дома и радиоприемника.

Верховный суд Литовской ССР 23 мая 1949 г. решение народного суда оставил в силе.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия считает, что решение и определение, состоявшиеся по делу, подлежат отмене по следующим основаниям:

Суд не установил, кто является надлежащим ответчиком по иску об исключении имущества из описи, и не затребовал копию приговора суда по делу мужа истицы. Из жалобы усматривается, что муж ее Раткевич был осужден судом 10 октября 1948 г. по ст. 109 УК и по приговору суда с него было постановлено взыскать 8375 руб. в пользу Швенченского промкомбината за недостачу материальных ценностей. Следовательно, в соответствии с указаниями, данными в постановлении

Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г. «О судебной практике по делам об исключении имущества из описи», суд обязан был затребовать копию приговора и вызвать в качестве соответчика по данному делу организацию, по претензии которой было описано у должника имущество.

Не исследовал суд и вопроса о том, когда был построен дом, который истица просила исключить из описи. Если дом был построен истицей во время пребывания в браке с Раткевичем, то она вправе претендовать на часть дома, поскольку в силу ст. 10 КЗоБСО имущество, нажитое супругами в течение брака, считается общим имуществом супругов.

Оставляя в силе решение народного суда, Верховный суд Литовской ССР указал, что поскольку муж истицы осужден за злоупотребление служебным положением и с него в возмещение убытков постановлено взыскать 8375 руб., то в этом случае взыскание может быть обращено и на общее имущество супругов, т. е. на дом.

С этими выводами Верховного суда Литовской ССР согласиться нельзя.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 августа 1927 г.¹ предусмотрено, что взыскание может быть обращено на все имущество, которым осужденный (ответчик) владеет совместно с другими лицами, а также и на общее имущество супругов в случаях, когда взыскивается возмещение ущерба от хищений, растрат и присвоения имущества государственных учреждений и предприятий, кооперативных, профессиональных и общественных организаций, если по суду будет установлено, что общее имущество увеличилось благодаря преступлению.

¹ СЗ СССР 1927 № 51, ст. 507.

Поскольку в материалах данного дела нет сведений о том, что дом нажит на средства, добытые преступным путем, равно как и нет данных о том, что общее имущество увеличилось в результате преступления, ссылка в определении о возможности обращения взыскания на общее имущество супругов является неправильной.

Ввиду изложенного Судебная кол-

легия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 1-го участка Швенченского района от 7 апреля 1949 г. и определение Верховного суда Литовской ССР от 23 мая 1949 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в Вильнюсский областной суд по первой инстанции с участием прокурора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Руководящее указание Пленума Верховного суда СССР	1
Постановления Пленума Верховного суда СССР по отдельным делам	6
Определения коллегий Верховного суда СССР по уголовным делам	13
Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР	34

№8851733

ЮФ СПбГУ

Редактор **А. А. ВОЛИН**

Издатель: Государственное издательство юридической литературы, Москва, Таганская ул., Товарищеский пер., 19. Тел. Ж 2-46-67.

А 00160. Сдано в произв. 5/V 1952 г. Подписано к печати 9/VI 1952 г.
Уч.-изд. л. 4,00. Бумага 70×108¹/₁₆=1,5 бумажных—4,11 печат. л.
Зак. 1084. Тираж 35070 экз. Цена 1 р. 50 к.

Технический редактор **Е. Н. Косарева**

13-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Гарднеровский пер., 1а.

ав 15
1 Районный
Цена 1 р. 50 к.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Государственное издательство юридической литературы имеет на складе разрозненные номера периодических изданий.

Журнал „СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ“

- За 1948 год №№ 7, 11, 12
- „ 1949 „ №№ 1, 9
- „ 1950 „ с № 6 по № 12
- „ 1951 „ №№ 1, 2, 3, 4, 9

Цена одного номера 3 руб.

„СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР“

- За 1949 год с № 1 по № 6
- „ 1951 „ №№ 3, 4, 7, 8

Цена одного номера 1 р. 50 к.

Указанные номера высылаются наложенным платежом по письменному требованию (без задатка). Требования следует направлять в адрес Государственного Издательства Юридической литературы: Москва, Таганка, Товарищеский пер. 19